

**Александр Матюхин
Леонид Негуляев
Борис Левандовский
Владислав Женевский
Александр Вангард
Максим Кабир
Михаил Павлов
Ольга Зинченко
Наиль Измайлов
Дмитрий Тихонов
Владимир Кузнецов
М. С. Парфенов
Андрей Сенников
Мария Артемьева
Дмитрий Козлов
Михаил Киоса
Хэллоуин (сборник)
Серия «Самая страшная книга»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11282576
Хэллоуин: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-091699-3*

Аннотация

Мое время – ночь. Мой праздник – Хэллоуин. Имя мне – легион.

Ведьмы, бесы, оборотни, упыри, зомби, тролли, привидения, домовые и прочая нечисть – все в сборе! Армия Тьмы собралась отпраздновать Хэллоуин как следует... на страницах книги, которая так и называется – «Хэллоуин».

Будет весело и грустно, захватывающе и мрачно. Будет страшно.

Это лучший подарок для всех любителей мистики и ужасов!

Это коллекция волнующих историй о потустороннем, собранная Парфеновым М. С., создателем антологий-бестселлеров «Самая страшная книга 2015», «13 маньяков» и других.

Это не просто книга. Это – праздник!

Самый страшный праздник года – Хэллоуин...

Содержание

Праздник нечисти	5
Максим Кабир	7
Парфенов М. С.	16
Андрей Сенников	23
Леонид Негуляев	37
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Хэллоуин (сборник)

© Авторы, текст, 2015

© М. С. Парфенов, составление, 2015

© В. Гусаков, обложка, 2015

© И. Авиляченко, иллюстрации, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Праздник нечисти

Слушайте, я люблю пугать людей. Это забавно.

В детстве я мог спрятаться в темной прихожей среди одежды у вешалки, чтобы в самый неожиданный момент выскочить оттуда с громким криком «бу!», когда моя бедная ничего не подозревающая мама направлялась на кухню либо в уборную.

Конечно, маме это нравилось куда меньше, чем мне.

Если быть точным, ей это совсем не нравилось.

С годами я начал лучше понимать маму... К тому же, когда ты взрослеешь, скрываться в узком углу за вешалками становится гораздо сложнее. По счастью, к тому времени я уже давно нашел способ пугать людей так, чтобы от этого все получали удовольствие. Ну или не все, но как минимум сами «участники процесса».

Когда мне было девять лет, я написал маленький рассказ под довольно претенциозным названием «Человек без стыда». Сюжет его был навеян... чего уж там, в какой-то мере он был просто стибрен (ведь в девять лет я не знал, что такое «параллели» и «аллюзии») у зарубежных и отечественных писателей, в рассказах которых люди сталкивались с дьяволом. В девять лет я зачитывался такими историями.

В моей миниатюре посланец ада являлся ночью к очень большому грешнику, чтобы забрать его мерзопакостную душонку туда, где ей самое место. Однако хитрый парень не растерялся и сумел обжегить самого Сатану: заболтал, выиграл время, а когда пропели петухи, послал чертяку куда подальше и объявил, что намерен в сей же день явиться в церковь за отпущением грехов. Растворяясь в утреннем тумане, обманутый дьявол страдальчески стонал: «Стыда у тебя нет!..»

Подобно грешнику из моего детского рассказа, нам всем, авторам и любителям хоррора, частенько приходится выслушивать в свой адрес обвинения в отсутствии совести, морали, в извращениях, вредительстве и бог весть в чем еще. Проблема в том, что, в отличие от коварного Человека без стыда, который мог рассчитывать на милость церковников, никто никогда не простит нам наш на самом деле единственный грех – то, что мы любим пугать. Кроме доброй мамы, конечно.

Такие авторы, как Стивен Кинг, добиваются огромного успеха, рассказывая людям страшные истории. Но даже Кингу приходится терпеть критику только за то, что он любит (и умеет) пугать.

Причем, как правило, обструкции авторов хоррор-литературы подвергают вовсе не те, кого они пугают. Лично мне никогда не доводилось слышать от поклонников ужасов и мистики что-нибудь вроде «эй, мужик, да ты просто болен, ты пишешь отвратительное дерьмо». Скорее они могут сказать: «Чувак, ты меня здорово напугал! Хочу еще!» Зато в университете одна преподавательница, узнав, что темой моей дипломной работы будет «Трансформация готической жанровой традиции в современном романе на примере романа С. Кинга „Сияние“», нашла возможность сообщить мне, что, на ее взгляд, я «слишком далеко зашел на темную сторону», и что это может сказаться на моей психике. Разумеется, она, эта дама-преподаватель, не любила читать ужасы. Она интересовалась каббалой.

Даже не знаю, что хуже – когда тебя обзывают психом или когда твои книги «от греха подальше» прячут на самый низ стендов в книжных, а то и вовсе изымают из продажи, как поступили в паре не самых маленьких московских магазинов с предыдущим томом серии «Самая страшная книга», антологией «13 маньяков».

Кстати, надеюсь, что вам не пришлось слишком долго искать ту книгу, которую вы сейчас держите в руках.

Но, раз уж вы ее нашли, позвольте вас поздравить.

Если вы любите ужасы и мистику, поздравляю еще раз.

Потому что, знаете, несмотря на всю критику, несмотря на зачастую предвзятое отношение к авторам и ценителям хоррора, нам с вами здорово повезло.

Во-первых, мы – каждый из нас – занимаемся тем, что мы любим делать. Пугаем и пугаемся. По-моему, это здорово. А во-вторых, у нас с вами в году больше праздников, чем у всех остальных. Помимо Нового года, дня рождения, 8 Марта или 23 Февраля, мы можем, например, праздновать любую пятницу 13-го числа. Кроме шуток – лично для меня это всегда праздник. А Хеллоуин, ночь, когда, согласно поверьям, открываются врата между мирами живых и мертвых, для нас вообще сродни профессиональному празднику.

Создатели данной антологии хотели сделать ее настоящим подарком для таких же, как и они, равнодушных к мистике и ужасам людей. На страницах этой книги собраны истории о самых разнообразных потусторонних существах: бесах, демонах, троллях, ведьмах, мстительных призраках, живых мертвецах, вампирах, оборотнях и таинственных двойниках из зазеркалья. Некоторые из этих историй вас повеселят, другие заставят задуматься о чем-то серьезном, третьи нагонят грусть. И, конечно же, эти рассказы будут пугать. Ведь, в конце концов, именно этого читатель и ждет от подобных коллекций.

И пусть в очередной раз кто-то будет говорить о «вреде» литературы ужасов, о «маргинальности» ее адептов.

Ночь – наше время. Хеллоуин – наш праздник.

Так давайте же праздновать, друзья! Покончим уже с этим многословным вступлением и перейдем к волнующим историям, от которых, как любили когда-то писать в аннотациях к переводному хоррору, «стынет в жилах кровь».

Мы ведь лучше, чем кто-либо еще, понимаем, что пугать и пугаться – это забавно...

Парфенов М. С., составитель

Максим Кабир

Классные рога, чувак!

Захару Кривцу нравилась его работа. Чувствовать чужую боль кончиками затянутых в резину пальцев. Соединяться с человеком с помощью острой стали. Он поменял множество специальностей, но лишь здесь, в полуподвальном помещении, именуемом «пыточная», он по-настоящему обрел себя. Что бы отец ни думал по этому поводу. У отца было кем гордиться и без него. Пусть братья Захара оправдывают родительские чаяния: один – на поприще юриспруденции, другой – в рясе, перед иконами. У Захара был свой путь боли.

Скальпель неспешно вонзался в женскую плоть. Струйки крови стекали по резиновым перчаткам.

Девушка смотрела в потолок с немой мольбой. Мышцы были напряжены, зубы сжаты. Лишь мычание вырывалось из ее груди, когда он резал. Но, если бы она попыталась кричать, звукоизоляция и ревуший из колонок грейнджкор обнулили бы бессмысленные вопли.

Она лежала на койке – красивая, истекающая кровью брюнетка.

Скальпель терзал ее тело. Кожа расплзалась. Бедро расцветало пурпуром. Оно больше никогда не будет таким гладким и шелковистым.

Захар улыбался белоснежными зубами. Хирургический инструмент порхал в его руках кисточкой художника.

Крошечная слезинка спускалась по щеке девушки, как паучок на паутине.

Захар Кривец сделал последний надрез и вытер рану полотенцем.

– Живая?

– Черт, даже не знаю, – ответила девушка.

Он помог ей встать и подвел к зеркалу. Девушка посмотрела на себя изумленно. Кровооточающая рана покрывала треть бедра. Свежие лоснящиеся линии соединялись, образуя цветок. Уродливый и прекрасный одновременно бутон.

– Это потрясающе, – произнесла брюнетка искренне.

Захар Кривец занимался татуировками и шрами-рованием несколько лет. Через его иглы и скальпели прошли сотни парней и девушек. Но удовольствие от процесса не притупилось до сих пор.

Отец пришел в ярость, увидев, как изменился младший сын, покинув дом. Худой, длинноволосый, с ног до головы покрытый татуировками, Захар был абсолютной противоположностью уважаемым братьям. Словно насмехаясь над отцом, он наколот себе на животе адское пламя и грешников. Страдания были переданы так искусно, что сам Босх позавидовал бы мастерству. Уродливый дьявол разместился на солнечном сплетении парня. Раздвоенными копытами он топтал грешников, но одновременно опасно косился вверх – туда, где в облаках парил Бог, занимая всю грудь Захара. Стилизованный под живопись Микеланджело, выписанный с изяществом Ватто, Бог оскорбил отца не меньше, чем карикатурный дьявол.

Дверь захлопнулась за Захаром.

Он усмехнулся и вставил себе в лоб два маленьких стальных рога. Женщинам рожки особенно нравились.

Брюнетка со свежей розой на бедре и двумя десятками сережек в смазливом личике разглядывала Кривца, пока тот обрабатывал и забинтовывал рану.

– А что ты делаешь после работы? – спросила она, кокетливо касаясь Бога на его груди.

– Читаю книги, – спокойно сказал он.

Разочарованная девушка покинула комнату.

– А знаешь, – сказала ему Соня, наматывая на пальчик рыжий локон, – твоя неприступность возбуждает.

Тату-студия находилась в одном помещении с салоном красоты, и Соня работала там парикмахером.

– Если бы мужчины меня интересовали, я бы, наверное, запала на тебя.

– Давай оставим все как есть. Ты будешь самой красивой в городе лесбиянкой, а я – парнем, который не спит с клиентами.

– Заметано. Но ты все-таки странный.

Соня не без оснований полагала, что любить «Naralm Death» и Данте одновременно – странно. Но именно за чтением второй главы бессмертной классики застал Захара очередной клиент.

Он вошел без стука – приземистый мужчина лет сорока пяти. Даже сквозь зимнюю дубленку были заметны внушительные мускулы и широкие плечи. Лицо грубое, наспех слепленное, выделялось разве что крупным носом. Маленькие тусклые глаза прятались в тени растрепанных бровей. Щеки покрывала серебристая щетина. Типичный работяга. Ни тебе туннелей в ушах, ни пирсинга, ни модной подкрашенной бородки.

Мужчина стянул с себя лыжную шапку, показывая, что и ирокеза он не носит. Шишковатый череп был обрит до седой щетины.

Гость устался на мастера. Этот взгляд Захар ощущал на себе каждый день, когда ехал в метро, когда обедал в закусочных. Взгляд обывателя, столкнувшегося с неведомой зверушкой. С рогатым жителем ада.

Захар ждал, пока мужчина спросит. Мужчина спросил:

– Это что, рога?

– Рога, – спокойно сказал Кривец.

– Они снимаются?

– Да. Отвинчиваются.

Рот мужчины растянулся в улыбке:

– Ну ничего себе. Ну ты даешь, парень.

Продолжая простодушно ухмыляться, он затопал по студии, мимо экспозиции фотографий и эскизов. Ботинки сорок шестого размера оставляли на линолеуме лужи талого снега.

Захар почувствовал раздражение. Ему не нравилось, когда люди в пыточной начинали вести себя как дома. Ухмылка гостя показалась ему непочтительной по отношению к его искусству.

– Простите, чем я могу вам помочь? – нетерпеливо спросил Захар.

– Ах, да. Помочь. Я хотел бы татуировку. Это возможно, гм, молодой человек?

Слова «молодой человек» он произнес язвительно.

Захару захотелось выставить клиента, но он вспомнил, что скоро Рождество, и ему нужны деньги, чтобы провести уик-энд вне города.

– У вас есть эскиз?

Работяга сунул руку в карман и вытащил оттуда сложенный лист бумаги.

– Надо же, рога, – хмыкнул он, расправляя лист и передавая его мастеру.

Захар ставил сотню на то, что это будет рисунок тигра или дракона, на худой конец, узоры «как-у-Клуни», – короче, то, что делают себе самцы, чтобы привлекать самок. Он удивился, увидев фотографию, напечатанную на газетной бумаге. Точнее, вырезанную из газеты. Фотография запечатлела милую девочку лет семи. Девочка заразительно улыбалась, демонстрируя ямочки на пухлых щеках.

Пролетарии вроде лысого здоровяка редко делали себе портреты. Но даже не это озадачило Захара.

Лицо девочки казалось смутно знакомым. Оно уже улыбалось ему раньше – ангельское личико в темном углу памяти. Но где именно он мог его видеть?

– Что-то не так? – спросил клиент.

– Нет-нет. Я готов взяться за работу.

– Вот и отлично, – обрадовался мужчина и протянул мастеру свою мозолистую лапу с колбасками коротких пальцев. На среднем пальце сверкал золотой перстень. Утонченная

кисть Кривца утонула в огромной шершавой ладони. Мужчина сжал ее, пожалуй, слишком крепко. Демонстрация силы оставила мастера равнодушным.

– Я – Эдик. Эдуард Петрович.

– Захар.

Эдик резко хохотнул.

– Что вас насмешило?

– Простое такое имя у вас, наше. Забавное имя для человека с рогами. И с этими вашими татуировками. Не многовато ли, парень?

Он кивнул на разукрашенный торс мастера, всем видом показывая, что не понимает такого издевательства над собственным телом. Точно так же смотрел на Захара отец.

– Раздевайтесь, – проигнорировал татуировщик замечание клиента.

Даже без дубленки Эдуард Петрович был в три раза шире худенького Кривца. Рельефные мышцы бугрились под его рубашкой, из воротника торчала короткая толстая шея. Ничего общего с панками и готами, обычными клиентами татуировщика.

«Если девочка на фотографии – дочь Петровича, ей повезло, что она пошла в мать», – подумал Захар.

Он справился насчет размера и цвета татуировки. Мужчина хотел черно-серый рисунок на внутренней стороне предплечья, масштабами – один к одному.

При помощи гелиевой ручки Захар перенес портрет девочки на бумагу, затем – на кожу Эдика.

– Ваша дочь? – поинтересовался он между делом.

– Ага, – осклабился клиент. – Мой сахарок.

При усиливающейся неприязни к здоровяку, Захару хотелось поработать над портретом. Очень уж хорошенькой была малышка. Невероятно, что у этого буйвола родилась такая дочь. Клиенты не обязаны нравиться. Но портрет вдохновлял и просил скорейшего воплощения в чернилах.

Собирая машинку, Кривец думал только об ангельской девочке, о том, как он положит тени и как изобразит ямочки на щеках.

– Будет немного больно, – сказал он, смазывая кожу клиента вазелином.

– Больно? – повторил мужчина насмешливо. – Считаешь, что разбираешься в боли?

– Простите?

– Ты думаешь, что, если вставил эти рога, набил на себе демонов, значит, можешь судить о боли? Сынок, я видел такую боль, какая не приснится в страшных кошмарах ни тебе, ни этим уродцам.

Он бросил взгляд на фотографии с разукрашенными и шрамированными людьми.

Обращение «сынок» наполнило рот Захара кислой слюной. Ему понадобилось усилие, чтобы сохранить спокойное выражение лица.

И еще он заметил, что Эдик сказал «я видел боль», вместо «я испытал».

– У каждого свое понимание боли.

– Ерунда, – фыркнул Эдик. – Боль есть боль. Это страна, куда ты попадаешь по особенному билету.

Один из многочисленных братьев Кривца был военным. Подобным снисходительным тоном он учил Захара жить.

«Ты знаешь, как это – получить заряд шрапнели в ногу?» – спрашивал брат.

Захар парировал:

«А ты знаешь, как это – разрезать себе язык на две части?»

Но с клиентом он спорить не стал.

– Как скажете, – произнес он и включил стереосистему на полную громкость.

Эдик вздрогнул.

– А нельзя ли? – прокричал он.

– Нельзя, – сказал Захар с улыбкой. И добавил, зная, что Эдик не слышит его сквозь рев музыки: – Уважай мои правила, мудака.

Игла коснулась предплечья клиента. Раздражение мигом исчезло. Художнику было больше неважно, кто является холстом. Он сосредоточился на рисунке.

Сеанс длился два часа, без перерывов. Клиент ждал, притихший, смирившийся с шумовой атакой. Кажется, он засидел ногу и однажды попросил разрешения поменять позу. Татуировщик не отреагировал, и мужчине пришлось терпеть.

Наконец Захар откинулся на стуле и со стороны поглядел на завершенную работу.

Портрет получился замечательным. Несмотря на то что художник использовал только черную краску, создавалась иллюзия, что кожа девочки нежно-розовая, волосы – пшеничные, а глаза – фиалковые. Густые тени, которые он положил фоном вокруг лица, подчеркивали легкость самого портрета. Одновременно казалось, что девочка находится во тьме, в ночи. И, хотя это не входило в задумку, заказчик был доволен.

– Ну и ну, – выдохнул он, рассматривая татуировку с разных сторон. – Ну и ну, парень.

Захар взирал на пролетария, как победитель на поверженного врага. Ему пришлось вновь пожимать мозолистую лапу.

– Ты гений, черт подери. Я не силен в живописи, но ты Леонардо да Винчи! Мой сахарок, как вылитый. Один в один!

Эдуард Петрович поцеловал собственное предплечье, коснулся губами свежей татуировки. И лизнул языком чернила и сукровицу, лицо своей дочери.

– Надеюсь, малышке рисунок тоже понравится, – вежливо сказал Захар.

Ему в голову пришла нелепая мысль: он жалел, что этот тип будет носить на себе такую искусную работу.

«Что за глупости, – одернул он себя. – Это же его дочь».

Сияющий от счастья Эдик расплатился с татуировщиком.

– Ты хороший парень, – сказал он. – Несмотря на это...

Он, конечно, имел в виду рога.

– До свидания, – отрезал Захар, не желая жать Эдику руку еще раз.

Клиент подхватил со стола газетную вырезку и быстро ушел.

Захар вспомнил, что вопреки обыкновению не сфотографировал свою работу.

– Хрен с ним, – пробормотал он.

Прекрасно сделанная татуировка, возможно одна из лучших его работ, впервые не принесла ему удовольствия. Клиент оставил после себя грязные следы и неприятный осадок. Захар попытался читать, но путешествия Данте по кругам ада вдруг показались ему глупыми и надуманными.

Он захлопнул книгу и вышел из студии. В салоне красоты не было посетителей. Соня сидела в кресле, забросив длинные ноги на стеклянный столик. Она ела чипсы и смотрела телевизор.

– Что такой кислый?

– Не знаю. Обычная депрессия перед Новым годом.

– Тебе надо крепко забухать. И покурить. Мы собираемся праздновать у Вики. Можешь присоединиться к нам. Будет много девчонок. Ну и парней, если ты вдруг все-таки педик.

– Спасибо, но я уезжаю на Рождество.

– Как знаешь.

Захар посмотрел на экран. Заплаканная женщина говорила что-то в камеру.

– Сделай погромче.

Соня включила звук.

– Я прошу вас вернуть мне мою Сашеньку. Я взываю к вашему сердцу. Она – моя единственная доченька, она никому не причинила зла. Верните ее, не делайте ей больно.

Картинка сменилась. Теперь на экране появилась фотография девочки лет семи. Светлые волосы, ямочки на щеках. Это была та девочка, которую Захар вытатуировал полчаса назад на предплечье Эдуарда Петровича. Это была та же самая фотография.

Зазвучал голос диктора:

– Если у вас имеется какая-то информация о местонахождении ребенка, просим сообщить в милицию или по телефонам...

– Ты домой собираешься? – зевнула Соня. – Я буду закрывать салон.

– Ага, – отстраненно сказал Захар.

Нахмуренный, задумчивый, он вернулся в свой кабинет и оделся. Часы показывали половину десятого. В студию заглянула Соня:

– Тебя к телефону.

В трубке стационарного телефона отчаянно хрипели помехи, и он уже хотел отключиться, когда из шума пробилился далекий голос:

– Не смей! Я знаю, что ты задумал! Не смей!

– Пап, я ничего не слышу, – сказал он и повесил трубку. – До завтра, Соня.

– Не отморозь яйца, Кривец.

На улице бушевала метель. Мир обрывался в двух шагах стеной движущегося снега. Во мраке скользили лучи фар.

Захар поднял воротник и посмотрел себе под ноги. На снегу чернела едва заметная точка. Он наступил на нее и пошел, сутулясь, в метель.

Снежный саван накрыл город, заглушил его привычный шум, затер рекламные огни. Вой ветра шугал пьяных Дедов Морозов.

Захар спустился в метро, протиснулся сквозь коченеющую толпу. В зимней одежде он не привлекал внимания. То, что ему нужно сейчас.

Сосредоточенный, он сел в поезд. Пассажиры вдавили его в двери. Прямо на уровне его глаз по поручню стекала черная капля.

Он пропустил свою станцию и доехал до конечной. Пересел на другую ветку. В вагоне на этот раз было не так тесно. Черный мазок на стекле рассказал ему, что делать дальше.

Захар вышел из метро на окраине города. Побрел, сражаясь с ветром, направо, налево, через переход и прямо во тьму. Дома закончились. Перед ним лежала закованная в лед река.

Ветер на набережной резал кожу не хуже скальпеля. Кривец присел на корточки и снял перчатку. Он коснулся черной точки на снегу, поднес палец к глазам. Капля свежих чернил осталась на подушечке. Выпрямившись, он зашагал к нависшему над водой зданию.

Надпись на табличке гласила: «Спасательный пункт, прокат лодок». Калитка отворилась сама по себе.

Стрелки часов сошлись на двенадцати, когда он остановился у запертого ангара. Замок требовал кода. Он нажал те кнопки, на которых застыла черная краска, и ворота поплыли вверх. Огромное пустое помещение открылось перед татуировщиком. Он подождал, пока ворота опустятся на место, и пошел в темноте, держась стены. Шаги отзывались гулким эхом, и было почти так же холодно, как на улице.

В конце склада находились три двери. За третьей скрывался гараж с лестницей в подвал.

Двигаясь в абсолютном мраке, Захар спустился по каменным ступенькам. Рука уткнулась в выключатель. Лампочка прыснула желтым светом.

Подвал напоминал склеп, жуткий и тоскливый. Здесь не было ничего, кроме крошечного, не справляющегося со своей задачей, обогревателя и голой панцирной кровати. И еще здесь была Сашенька. Абсолютно голая, прикованная к спинке кровати цепью.

Захар подошел к девочке. Она не отреагировала. Глаза закрыты, худенькая грудь не вздымается. Захар взял ее за руку. Сердце его кольнуло, когда он ощутил ледяной холод плоти. Но через миг он вздохнул с облегчением. Пульс прощупывался. Девочка просто спала.

Захар осмотрел Сашу. Опасных для жизни повреждений он не обнаружил. Только многочисленные ссадины, царапины и рана на кисти, там, куда впилося кольцо наручника. Он погладил девочку по щеке, не такой мягкой, как на фото, впавшей и грязной, но все равно воплощающей невинность.

Опомнившись, он быстро снял с себя пальто и укутал ребенка.

Сзади слышались шаги. Кто-то спускался по лестнице.

Захар повернулся.

Человек, вошедший в подвал, застыл, словно врезался в невидимую преграду. Ошарашенное лицо открылось мычащим ртом. Хозяин подвала не верил своим глазам:

– Т-ты? – заикаясь, спросил он.

Наверное, появившись в подвале Иисус Христос, Эдуард Петрович удивился бы меньше.

– Как ты нашел меня? Какого хрена ты здесь делаешь?

– Я пришел за девочкой, – отчеканил Захар.

Эдик решил отложить удивление на потом. Он отбросил в сторону ужин, который нес для пленницы: тарелку картошки в мундире и железную чашку с кипятком.

– Она моя.

– Я так не думаю, – спокойно возразил Захар.

Эдик посмотрел на татуировщика, как посмотрел бы на пекинеса, решившего его атаковать.

– Сейчас поглядим, – хмыкнул он, вытаскивая из-за пояса охотничий нож. Он пошел вперед – пуленепробиваемая машина с клинком наперевес. – Зря ты это, сынок. Зря.

Ручища взметнулись вверх. Свет лампочки отразился в лезвии. В нем отразилось лицо Захара. Настоящее лицо.

И в это мгновение кровь хлынула из-под бинтов на предплечье Эдика: так много крови, будто невидимая дрель впилась в мясо. Нож упал на пол. Кровь, смешанная с чернилами, хлестала из руки, но Эдик не замечал этого. Он видел лишь одно: Захара Кривца, возвышающегося над ним, нового, настоящего Захара.

Эдик упал на колени.

Его глаза вылезли из орбит.

– Ты... ты... твои рога... они...

– Настоящие, – закончил мысль Захар и протянул руку навстречу Эдику. В руке поблескивала роторная татуировочная машинка. Ни к чему не подключенная, она зажужжала. Чернила закапали с острого конца.

Эдик стоял на коленях посреди подвала, как преклоняющийся перед божеством адепт.

– Кто ты? – спросил он хрипло.

– Принц из страны боли. – Захар положил левую руку на бритый затылок здоровяка. – Наследник ее престола.

Игла дергалась у обезумевшего лица Эдуарда Петровича. Он не сопротивлялся. Он только и мог, что смотреть на Захара, на его новый облик, на его...

– Сейчас будет больно, – предупредил татуировщик и воткнул машинку в глаз Эдика. Не только иглу: всю машинку до корпуса. Каким-то образом она продолжила жужжать внутри, перерабатывая мозг, смешивая его с чернилами.

Захар подошел к спящей Сашеньке. Он снова был самим собой, худым татуированным парнем с маленькими рожками. Одного взгляда на цепь хватило, чтоб та рассыпалась звеньями. Захар взял девочку на руки и вынес из подвала.

Боль началась сразу. Острая боль в кистях и шее. Он осмотрел ладони и увидел, что они ужасно обожжены. На горле, там, куда прижималась безвольная голова девочки, набухал волдырь. Он продолжил путь. Кожа на руках стала плавиться. Девочка обжигала его даже сквозь пальто, в которое она была укутана. Словно он нес тлеющую головешку. Он сплюнул и крепче прижал к себе ношу.

Когда он вышел на улицу, его плоть уже дымилась.

Сквозь сизый дымок собственного производства он увидел карету скорой помощи, припаркованную у ангара. Свет мигалки скользил в снегопаде.

«Как обычно, вовремя», – скептически подумал Захар.

Из машины выпрыгнул светловолосый парень в форме фельдшера. У него было самое красивое лицо из всех, что Захар когда-либо видел. На груди было написано имя: «Михаил». За спиной развивались огромные белоснежные крылья.

– Убери руки от ребенка, демон! – крикнул фельдшер, подбегая к складу.

«Неблагодарный ублюдок», – подумал Захар беззлобно.

Он облегченно вздохнул, передавая девочку блондину. Михаил отнес Сашу в карету скорой и вернулся с пальто Кривца в руках.

– Эй, ты дымишься.

– Есть немного. Не выношу невинные души. Они обжигают нас.

– Дай посмотреть, – потянулся Михаил, уже не такой сердитый, как в начале встречи.

– Обойдусь, – отшатнулся Захар. – Чепуха, уже заживает. А вы-то не больно спешили спасать девчонку.

Михаил потупился:

– Мы не могли ее спасти. Это не в нашей компетенции, понимаешь? Мой отец даровал людям волю. То, что случилось с Сашей, – воля раба Божьего Эдуарда. Я думал, что еду забирать ее душу, и не надеялся, что она окажется живой...

– Благодаря мне, – закончил фразу Захар.

«Эти ангелы не щедры на комплименты», – подумал он.

– Но почему ты спас ее? – спросил Михаил, щурясь.

– Я непредсказуем, в отличие от вас.

– А серьезно?

– Серьезно? – Захар задумался и честно ответил: – Даже не знаю. Наверное, у меня слишком обострено чувство прекрасного, а Петрович его нарушил.

Михаил улыбнулся, став совсем уж нестерпимо прекрасным.

Метель вокруг них усиливалась. Крылья Михаила трепетали на ветру.

– Но, если бы он убил девочку, у него стало бы на один смертный грех больше. Разве дьяволу не нравится мучить многогрешных?

– Петрович больше не принадлежит дьяволу, – проговорил Захар. – Он только мой. Все, кого я пометил, попадают в мой личный ад.

– Открыл свой филиал?

– Можно и так сказать.

– А папаша?

Захар развел руками:

– Конфликт отцов и детей.

– Слушай, Кривец, – взмахнул левым крылом Михаил, – ты что, работаешь татуировщиком?

– А что, – хмыкнул Захар, – хочешь себе узорчик?

– Нет, я просто... просто, что это за работа такая для демона?

– Работа как работа, не хуже прочих. Я легально мучаю людей. И потом, наш брат всегда был близок к искусству.

Михаил покивал, изучающе разглядывая Кривца, и сказал наконец:

– Ты, это, без обид. Скоро Рождество, а на Рождество демонам запрещено быть среди нормальных людей. Уезжай куда-нибудь, иначе тебя депортируют.

– Куда же мне уезжать? – весело спросил Захар. – Я везде чужой.

Михаил уже шел к своей машине.

– Куда угодно. В Подмоскovie, например.

– Я подумаю, – пообещал Захар.

Ангел сел в скорую и крикнул:

– Тебя подвезти?

– Нет. У меня еще здесь дела.

Захар указал на склад.

Безупречное лицо Михаила удивленно вытянулось:

– Он еще жив?

– Да. И он будет жить столько, сколько понадобится, чтобы втолковать ему про боль.

Потом он окажется здесь.

Захар коснулся своего живота, имея в виду нарисованное на коже адское пламя и грешников, к которым скоро присоединится татуировка с физиономией Эдуарда Петровича. Или не скоро, кто знает.

– Большой убудок, – без особого осуждения в голосе сказал Михаил.

Скорая завелась, тронулась с места, расшвыривая снег. Михаил высунулся из окна и крикнул на прощание:

– Эй! Классные рога, чувак!

Захар показал ему средний палец. Автомобиль скрылся в метели, и Захар побрел назад на склад. Делать больно.

Парфенов М. С. Мост

Старый мост по-прежнему висел над пересохшим руслом реки. Ржавые балки угрюмо выглядывали из-за чахлой растительности на берегах, и слабый солнечный свет безнадежно тонул в глубоких тенях между ними. Перекрестия стальных ферм напоминали глазки мертвецов из детского комикса. У моста было много таких глаз.

– Чертов старик, – пробормотал Савельев. – Тебя уже давно пора разобрать и захоронить по кускам на свалках.

«Я еще всех вас переживу», – отвечал мост безмолвно.

Несколько жирных черных ворон одна за другой сорвались с насиженных мест и начали рисовать уродливые кружева в вечернем небе. Словно кто-то, укрывшись в железобетонных сочленениях, подал сигнал, громко хлопнув в ладоши.

«С возвращением», – прокаркал мост голосами воронья.

– И тебе привет, дохлая развалина, – усмехнулся Савельев и стал подниматься по насыпи. В голове, как вороны над мостом, кружились обрывки воспоминаний.

Ее так и не нашли, ни тогда, ни после. Вот странно. Бывший сосед, с которым он, прогуливаясь возле старого дома, случайно встретился пару дней назад, рассказал Савельеву, что ее тело так и не нашли. Волосы у дяди Коли поредели и стали белыми, но в остальном он ничуть не изменился. Ничего здесь не менялось. Время в этих краях застыло, не иначе: двадцать лет прошло, а проклятый мост все так же скалит железные зубы всем, кому только попадается на глаза... и труп до сих пор не нашли.

Он взобрался по осыпающемуся щебню наверх и встал на разбитых шпалах, чтобы отряхнуть брюки. Увидел носки своих черных туфель, которые пыль окрасила в цвет плешивой шевелюры постаревшего дяди Коли. Потянулся было в задний карман за платком, но махнул рукой: бесполезно. Шпалы, рельсы, камни и сорняк меж ними – заброшенная железнодорожная ветка вся была серая и тусклая. От земли поднимался запах древности, пыль залетала в нос и глаза. Савельев поднял взгляд.

Мост теперь был прямо перед ним, в паре сотен шагов по шпалам. Покатые полосы боковых перекрытий уходили с двух сторон в небо, где их соединяла толстая стальная перекладина. В образуемую арку тянулась железная дорога, дальний конец тоннеля тонул в сизом тумане. По правую руку от арки из насыпи торчал почерневший остов сторожевой будки.

Родители запрещали детям гулять в этих местах. В те времена, раз в неделю или раз в месяц, дорога еще оживала, и по ней мог пройти, гремя колесами и вагонами, грузовой состав. Савельев помнил рассказы матери, которыми та пыталась удержать их с сестрой подальше от железной дороги и моста.

Один мальчик не слушался родителей и полез на мост, там он случайно коснулся электрического кабеля, и его убило. Одна девочка скакала по шпалам и слишком поздно заметила, что рядом оказался поезд; девочка испугалась, споткнулась, и ее разрезало на две части. Ирка слушала эти страшилки, раскрыв рот, с широко распахнутыми глазами. А Паша Савельев к тому времени уже был большой, и подобные истории не производили на него впечатления. Даже если – он допускал – в них и была доля правды. Подумаешь, какой-то дурак хватанул десять тыщ вольт. Надо ж думать, куда руки суешь.

Мальчишки много раз бывали и на самом мосту, и рядом. Курили папиросы, разводили по вечерам костры в сторожке, малевали сажей на стенах пошлые слова и картинки. И в итоге сожгли будку.

Щебень хрустел, плевал мелкой крошкой из-под ног, пока Савельев неторопливо приближался к арке и закопченному скелету справа от нее. В груди зацвела теплая сладость – тень детского восторга при виде высоких языков пламени на фоне черного неба и тающих среди звезд оранжевых искр. Господи, он и забыл, как ему нравилось смотреть на огонь!..

Арка моста становилась все ближе, конструкции ее росли на глазах. Уже можно различить полустертые трафаретные надписи «Опасно» и «Вход запрещен». Даже пацаном Савельев этих, тогда еще оранжевых, а теперь уже выцветших бледно-желтых, букв не боялся. Другое дело – Ирка. Когда Паша первый раз ее сюда завел, она прочитала каждое слово вслух, по слогам, и, нахмурившись, сказала брату: «Сюда низя! Низя же!»

«Можно, ведь ты со мной».

Савельев невольно глянул вниз, на правую руку. Воспоминание было таким ярким, что он на мгновение ощутил в ладони тепло ее потных от страха пальчиков.

В тот, первый, раз Ирка боялась нарушить запрет матери. Предупреждающие надписи нагоняли на нее ужас, она трепетала перед большим старым железнодорожным мостом и стискивала руку старшего брата изо всех своих детских силенок.

«Ничего не бойся, глупая. Там интересно. Там живет тролль», – сказал он тогда. Ирка поверила и заулыбалась.

На миг он увидел фигурку в коротком белом платьице с цветочками, облако светлых кудряшек... В глазах защипало.

Торчащий из насыпи черный зуб спаленной сторожки медленно, как во сне, проплыл мимо. На его округлой верхушке дремала, спрятав голову под крыло, крупная ворона. Туман клубился посреди распахнувшегося впереди коридора. Савельев шагнул внутрь, и ржавая металлическая сетка, прибитая поверх шпал, скрипнула, упруго прогибаясь под тяжестью его тела.

«Добро пожаловать домой», – прошелестел мост. В шепоте ветра улавливалась угроза. И холодная насмешка.

Ирку так и не нашли. За двадцать лет – как такое возможно? Маленькая девочка в белом платьице до сих пор прячется где-то тут, вместе с громадным старым троллем, сказка про которого ей так нравилась.

Паша больше верил в запах гари и языки алого пламени, пожирающие дерево в ночи, чем в истории про рыцарей и принцесс. А вот сестренка любила слушать рассказы о драконах, царевичах и умных животных, разговаривающих, как люди. Про косматого тролля, обитающего под мостом, Паша сочинил, чтобы порадовать ее. Вернее, не сочинил, а вспомнил историю из книги про викингов, которую брал в школьной библиотеке. «Переложил на новый лад», как сказали бы коллеги Савельева. Впрочем, что эти люди, жители большого города, могли знать о сказках его родного захолустья? Ровным счетом ничего. Пропавшей два десятилетия тому назад девочке было известно о троллях куда больше, чем профессорам с кафедры.

Тролля звали... Какое-то имя они для него придумали, точнее, Ирка придумала, но сейчас Савельев уже не мог вспомнить.

В свое время Пашу изрядно повеселила та твердая убежденность, с какой сестрица заявила, что у чудища обязательно должно быть имя. Ему тогда казалось, что выдуманные существа – все эти болтливые волки, крылатые эльфы, скатерти-самобранки и живые избушки на курьих ножках – вполне могут обойтись и без кличек. Фантазии, они и есть фантазии, пустое место. Глупо обращаться к воздуху по имени-отчеству. Но сестренка смотрела на мир иначе. У каждой куклы в доме было свое имя – Маша-Глаша-потеряша... Дворовым псам и кошкам Ирка тоже давала клички, каждому свою, а однажды Паша услышал, как сестренка обращается к росшей возле дома березе, о чем-то спрашивает дерево и гла-

дит пятнистую кору ласково, как плечо человека. Маленькая глупышка. Возможно – Паша не хотел уточнять, – она спрашивала у березки, где их папа, когда он вернется домой.

Белесый туман обволок Савельева, лизнул влажным языком лицо. Кожа на шее покрылась мурашками.

«Странно, – подумал он, нащупывая взглядом конец уходящей вперед дороги. – В детстве мост казался меньше и короче, а сейчас стал большим и длинным. Разве не должно быть наоборот?...»

Как Алиса, напившаяся из волшебного пузырька, он будто бы рос обратно, вниз, становясь меньше с каждым шагом. Нет, конечно, на самом деле ничего не менялось ни в нем самом, ни вокруг. Просто косые стальные колонны обступали уже и спереди, и сзади, толстые железные трубы чертили воздух сверху и по сторонам, от чего Савельев начинал чувствовать себя зверьком, попавшим в клетку.

Громко хлопая черными крыльями, в нескольких метрах впереди расчертила стылую мглу ворона. Хриплое злое карканье разорвало тишину, и он вспомнил, как сестра называла придуманного им тролля.

Хрясь. «Хияс-сь» – так она произносила это, смешно пришепетывая, потому что всегда плохо выговаривала букву «р», а еще потому, что у нее выпадали молочные зубы и во рту хватало прорех.

Троль Хрясь – *Хияс-сь* – обитал под мостом и был людоедом. Он ел человечину, да и маленьких девочек тоже кушал.

Паша сообщил об этом Ирке, когда они вдвоем как раз сидели на широком полукружии одной из бетонных опор. Над головами тянулись толстый грязный кабель и пупырчатые листы металла – дно моста. Чтоб сестра не запачкала платице, Паша усадил ее себе на колени. И рассказывал сказку про тролля.

В детских глазах застыли изумление и испуг.

«Не бойся. Я же с тобой. А еще у меня есть вот что, – перед глазами девочки блеснула, а затем со звоном полетела вниз монетка. – Это для тролля...»

«Дья Хияс-ся?!»

«Да, для Хряся-хренася, хе-хе. Видишь, мы ему заплатили, чтобы он нас с тобой не скушал, милая».

Ирка смеялась и просила, чтобы в другой раз он дал монетку ей. Хотела сама бросить ее в широкое полукруглое отверстие торчащей из бетона трубы, на дне которой плескалась темнота. В этой тьме ждал подарков ее любимый тролль.

Двадцать лет. Тело так и не найдено. Кто-то забрал его, спрятал вместе с давешней карманной мелочью.

Сквозящий в перекрытиях ветер тихо гудел в щелях и пустотах вокруг Савельева. Сверху доносился вороний грай, приглушенный металлом громадных ферм. Ему показалось, что он слышит что-то еще – шорох и скрежет сзади... и снизу, под ногами. Будто какое-то большое животное ползет по другой стороне моста, цепляясь за крепления кривыми когтями. Он оглянулся на уже далекий, исчезающий в тумане вход. Присмотрелся – почудилось, будто справа из-за трубы показалось и немедля скрылось блестящее чешуйчатое кольцо, упругое и живое, как...

Как часть длинного гибкого хвоста.

Савельев замер.

Брось, не дури. Просто ветер качнул чертов кабель. Блестящий, мокрый из-за тумана кабель.

«*Хи-яс-с-сь...*» – проскрипел мост.

– Пошел в задницу, – ответил Савельев.

Надо добраться до конца моста, спуститься по металлической лесенке сбоку на вторую опору, чтобы проверить. За два десятка лет никто не додумался осмотреть это место. Никому и в голову не пришло искать маленькую девочку там, куда и взрослому человеку пробраться было непросто. Паша всегда сначала сползал первый, а затем помогал сестренке.

Позади все было спокойно. Никаких посторонних шумов, змеиные хвосты нигде не мелькали. Савельев облегченно выдохнул, и облако пара растаяло в тумане у его лица.

Как же тут холодно.

Он зашагал дальше, высматривая по левую руку малозаметный спуск к опоре. Их с сестрицей тайный уголок для игр и страшных сказок.

Это местечко Паша нашел и облюбовал спустя пару месяцев после того, как они с друзьями спалили брошенную сторожку. Другим мальчишкам на пепелище стало неинтересно, а его тянуло. Нравилось там бывать одному, вечерами. Вдыхать сладкий запах паленого дерева, пока тот не выветрился. Вспоминать магический танец огненных лепестков. Все-таки и правда было что-то волшебное в пересохшем русле реки, в старом мосту над ней, в пробивающихся среди шпал ростках ковыля и погорелых развалинах рядом. Паша возвращался сюда снова и снова, но никому о своих походах не рассказывал. Только сестренке, которая была слишком маленькая, чтобы что-то понимать про это. Впрочем, он и сам ничего не понимал. Мост словно звал его, манил, обещал что-то смутное, таинственное, запретное. Что-то, чем Паша хотел поделиться с сестрой.

В один из дней по пути к насыпи ему на обочине попала сбитая каким-то лихачом кошка. У нее оказались переломаны задние лапы, на мордочке засохла кровь, но она еще дышала и даже тихо, еле слышно не то скулила, не то мяукала. Уже смеркалось, а мост был близко, поэтому никто не видел, как Паша отнес кошку к останкам сторожки, как он сжег ее там живьем. Потом ему стало стыдно. Он представил, как залилась бы слезами сестренка, как выговаривала бы мать, как, выглянув из мамкиной спальни, плюнул бы в сердцах дядя Коля. Паша решил спрятать обгоревший трупик, чтобы избежать всего этого. И нашел узкую лестницу, спускавшуюся с края моста на одну из опор.

«*Та к ты впервые покормил тролля*», – вкрадчиво шепнул туман. Дурацкий сленг, которым пользовались студенты Савельева, сейчас почему-то не казался ему ни смешным, ни глупым.

Он удивленно моргнул, увидев очередную ворону, что сидела над узким отверстием у бокового парапета... прямо над вертикальной линией из коротких перекладин-ступенек, уходящих в эту дыру. Блестящий черный глаз внимательно следил за Савельевым. Ворона открыла клюв и издала пронзительный крик.

– Да вижу я, вижу... Спасибо, – поблагодарил он ворону, сдержав зародившийся в горле смешок.

Без истерик. Просто мерзкая птица на мерзкой железке мерзкого моста.

Савельев сошел с рельс. Остановился у отверстия. Внизу плыл туман. Савельева трясло от холода, но на лбу все равно выступил пот. Он утерся рукавом и начал спускаться.

Неожиданно сизую хмарь разорвало порывом ветра, и, глянув под ноги в поисках очередной ступеньки, Савельев увидел далеко-далеко внизу темное дно реки, покрытое камнями и мусором. Голова закружилась, ослабшие пальцы предательски дрогнули на скользкой перекладине. В последний момент он успел схватить другой рукой боковую стойку, рывком подтянул тело и прижался к хлипкой, раскачивающейся решетке. Савельева мутило, и он зажмурился, чтобы мир вокруг перестал скакать в бешеном вальсе.

В темноте холод сжимал его, давил ребра. Воняло сыростью, хлопали крылья, каркали вороны. Старое ржавое железо тоскливо мяукало, как та искалеченная кошка. Скрипом и шорохом этому стону вторили трубы, балки, спайки и заклепки над головой. Снизу подывал ветер.

«Покорми своего тролля», – проскрежетал мост злым, ехидным голосом. Не открывая глаз, Савельев в страхе потянулся обратно, наверх.

Что ты делаешь?

Двадцать лет. Два-дцать-лет.

Здесь ли она еще?..

Тяжело выдохнув, он замер. Рискнул посмотреть вниз еще раз и – продолжил прерванный спуск.

За многие годы ветра и ненастья как следует поработали над хлипкой лестницей, ослабили крепления так, что нижняя ее часть оказалась отогнута в сторону. Бетонная плашка опоры все еще была рядом – достаточно протянуть ногу над бездной и сделать шаг.

– Ирка... – прохрипел через зубы Савельев, подбираясь для короткого прыжка. – Заплатили ли ты троллю свою копеечку?

В прежние времена здесь было не так опасно. Паша водил сюда сестру несколько раз. Он курил сигареты без фильтра, которые воровал у дяди Коли, она играла со своими куклами или рисовала в альбоме, елозя коленками и локтями по бетону. Паша смотрел на нее неотрывно. Однажды Ирка так увлеклась рисованием, что не заметила, как платьице задралось, оголив тощие детские бедра и краешек трусиков.

А Паша заметил.

«Хочешь монетку кинуть?»

«Хияс-сю?!»

«Хренасю, ага. На вот, держи... Садись сюда, ко мне. Давай я тебя обниму, чтоб ты не улетела вслед за монеткой».

Верхушка опоры была широкой и плоской, по центру в ней тонули основания стальных перекрытий, образуя нижнюю часть буквы V. Толстенные железные полосы тут превращались в скрещающиеся полые желоба, которые, соединяясь в трубу, утопали на два-три метра в бетон. В эту дыру они кидали мелочь для тролля. В этой темной искусственной пещере Паша хоронил убитых им кошек. Ирку он засунул туда же. Двадцать лет миновало, но Савельев и сейчас отчетливо помнил, как это было.

Он достал из кармана монетку и отдал сестре. Та устроилась у него на коленях. Паша прижал хрупкое тельце к себе. Подол задрался Ирке выше пояса. Возможно, она почувствовала, как что-то упругое и горячее ткнулось сзади в бедро, но, увлеченная фантазиями о своем Хияссе, не обратила внимания. А потом стало слишком поздно. Потом Паша уже не мог остановиться.

После он, конечно, запаниковал. Сестра хныкала и звала несуществующего тролля. Изодранные детские трусики валялись на бетоне бесполезной грязной тряпицей. Паша видел бурые пятна на светлой ткани и понимал, что копеечкой здесь уже не откупишься. Ирка ползла к лестнице. Если бы она выбралась, дохромала до дома и рассказала матери о том, что он с ней сделал...

Паша ударил ее головой о бетон, а потом задушил. И затолкал в трубу.

Когда позже, дома, мать стала спрашивать его об Ирке, он ответил, что не видел сестру с обеда. Несколько месяцев вся округа искала девочку, но безрезультатно. Дядя Коля запил. Мать сникла, заболела и умерла на следующий год, а Пашу забрали к себе в большой город дальние родственники.

Людоедом был не тролль под мостом. Людоедом оказался он сам. Пусть подобное случилось с ним лишь однажды. Пусть после этого Паша с головой окунулся в учебу, закончил школу с золотой медалью, поступил на филфак и, выйдя оттуда с красным дипломом, продолжил карьеру ученого и преподавателя. Пусть он уже дважды был женат – ему все равно

нравились молоденькие студентки, и людоед внутри него облизывался, когда те проходили мимо.

С годами Савельев все чаще задавал себе вопрос, на который до сего дня не мог найти ответа.

Заплатила ли Ирка троллю свою копеечку?

Он помнил, как сбрасывал в трубу трупы убитых кошек. Их было три... четыре, если считать самую первую, обгоревшую. Помнил, как запихивал в узкое отверстие еще теплое тельце сестры. Затолкав ее туда, бросил последний взгляд в темноту. Увидел помятое платье, светлые кудри, изломанные тонкие ручки и ножки.

А кошачьих скелетов не увидел.

– Заплатила ли ты троллю свою копеечку?

Шатаясь под порывами усилившегося ветра, разгребая руками загустевший туман, Савельев подошел к железному желобу. Ухватил рукой за край, уперся в другой желоб. Старая краска шелушилась под одеревенелыми пальцами, крупинцы ее отслаивались и улетали серым пеплом.

Ирка верила в то, что Хрясь настоящий.

Кошки пропали. Тело Ирки до сих пор не нашли.

И та девчонка, про которую рассказывала мать, ее разрезало поездом на две половины, но, говорят, отыскать смогли лишь переднюю часть. И тот глупец, схвативший электрический кабель, – его руки сгорели до локтей, а кистей не осталось вовсе.

Скорее всего, кошачьи останки он тогда не заметил. Не до того ведь было. А Ирку просто не нашли – так тоже бывает. И верила она всему, а особенно тому, что ей старший брат говорил.

Но что, если?..

Дрожа всем телом, Савельев опустил голову и заглянул в дыру.

Поначалу ничего рассмотреть не удавалось. Но постепенно глаза привыкли к темноте, и вот уже стали проступать смутные очертания: одна косточка, другая, кругляш детского черепа – похож на резиновый мячик. Кусок истлевшего белого платица... с цветочками.

«Здравствуй, сестренка», – подумал Савельев.

Сердце сжалось в груди. Глаза обожгло, и по замерзшей щеке потекла горячая капля.

– Я ведь не хотел, чтобы так вышло, Ирка, – прошептал он в дыру. – Правда не хотел...

Прислонившись лбом к ледяному железу, Савельев закрыл глаза и разрыдался. Дал выход горечи, что копилась в его душе все эти годы. Ревел, как мальчишка, стоя на пятачке бетонной опоры, и вороны кружили над ним, потревоженные громкими, надрывными всхлипами.

Наконец он успокоился. Вспомнил о платке в заднем кармане брюк, достал, утер слезы с лица. Запустил пальцы в другой карман и выудил оттуда круглый, серебристо поблескивающий пятак.

– Последняя плата твоему троллю, Ирка. – Монета, сверкнув, полетела в трубу, ударилась о стену с внутренней стороны и отскочила в сторону. Проследив ее короткий путь, Савельев увидел мелкие кошачьи кости, белеющие кучкой неподалеку от останков его сестры.

Что ж, так оно и должно было быть.

Фантазии остались в мире детства. Деревья и животные не разговаривают. Людоеды прячутся не под сенью сказочных переправ, а в черством человеческом сердце. И у всякой сказки есть свой конец, даже у страшной. Выплакавшись, Савельев почувствовал спокойствие. Настоящий покой, какого не знал все эти годы.

Ответы найдены. Прощание состоялось. Ритуал соблюден. Перекреститься, что ли?..

Да нет, наверное, не стоит. Глупо как-то.

– *Ма-аль-т-чик...* – проворчала дыра.

Савельев окаменел.

– *Ты ми-няу хорош-шо кормил, ма-аль-т-чик,* – голос раздался уже сзади и одновременно – со всех сторон.

С протяжным злым свистом дыра выплюнула пятак обратно. Монета, срикошетив о ржавое железо, больно ударила Савельева в лоб. Выйдя из ступора, он метнулся в сторону лестницы. Но по бетону под ногой скользнул толстый, покрытый зелеными чешуйками хвост, и Савельев, зацепив его, с беспомощным криком растянулся на холодной шершавой поверхности.

Волна удушающего теплого смрада накатила на него сзади и сверху. Савельев подтянул колени к груди, сжался в тугой комок, толкнулся от камня и прыгнул к лестнице. Из разбитого носа хлестала кровь вперемешку с соплями. Краем глаза он увидел проступающие за пеленой тумана смутные очертания чего-то большого, невероятно большого... Громадная тень, выросшая из другой тени – моста. Она двигалась.

По ляжкам потекли теплые струйки, но Савельев не заметил, что обмочился. Пулей он взлетел, цепляясь за трясущиеся жерди расцарапанными в кровь пальцами, – наверх, наверх! Отчаянно брыкая ногами, кинул свое тело на шпалы, больно, до треска в ребрах ударившись грудью о рельс. Подняться на ноги сил уже не было.

И тогда Савельев, ломая ногти о металлическую сеть, скользя в собственной крови, слезах и моче, пополз. Над ним, хрипло хохоча, закружили проклятые птицы.

– *Покор-рми мен-няу еш-ще, ма-аль-т-чик,* – пророкотал мост.

Позади из тумана выпрасталась, разогнав воронье, гигантская, покрытая шерстью и чешуей ладонь. Она накрыла истошно вопящего человечка целиком. Огромные пальцы, заканчивающиеся черными когтями, сжались в кулак, оборвав жалкий писк влажным, чавкающим хрустом:

– *Хияс-сь.*

Забрав свое, громадная длань бесшумно растворилась в тумане, словно была соткана из него. Ветер развеял смутные очертания и подул ниже, чтобы слизать капли крови со шпал. Одиноким ворон, жалобно каркнув, взмыл наверх и присоединился к кружащей над переправой стае.

Вечер набросил на округу покрывало сумерек. Бледный серп неполной луны выкатил из закатных туч, разливая серебро в стылой дымке над пересохшей рекой. Старый мост смотрел во тьму холодными мертвыми глазами.

У него было много таких глаз.

Андрей Сенников

«А за окном снежинки тают...»

Вариантов всегда полно, главное – правильно их оценить. Когда Кит усвоил эту нехитрую истину, он перестал беспокоиться и начал жить. Потихоньку все наладилось.

Город, который жрал его заживо до тринадцати лет, перетирая гнилыми зубами бетонных коробок. Улицы, что раньше казались нитями прочной паутины, в которой он запутался, словно жалкая муха. Люди, которые всегда были чужими, черствыми и злыми, как пара законченных алкоголиков, что перестали притворяться родителями года три назад. Все изменилось и стало его личным карманом, а полное не может быть пустым. Верно? Стоило запустить туда пятерню, немного подождать, полуприкрыв глаза, и – оп-ля! – получить желаемое. И конечно, не забыть загодя произнести про себя волшебные слова: «Горшочек, вари!»

Кит усмехнулся в залепленное мокрым снегом окно старой маршрутки. На улице мело, раздолбанный «пазик» понуро тащил короткое тело по нечищенной мостовой, взметая колесами буруны грязной шуги. Он подпрыгивал перед светофорами на буграх снежного наката и вихлял задом на остановках, словно бульварная девка, вышедшая на съём. Кит ерзал вместе с сиденьем, не прикрепленным к трубчатому каркасу, вцепившись в поручень спинки перед собой. В салоне воняло дизельным выхлопом, мокрыми шубами и шерстью. Водитель вяло переругивался по сотовому с таким же, как он, рыцарем рубля и баранки, который промешкал у диспетчерской и теперь нагло сгребал пассажиров с остановок в паре светофоров впереди, как снегоуборочная машина.

«За бабки рубится, – подумал Кит. – Час пик. Новый год через два дня. Красота...»

Он оглядел полупустой салон. Парочка ярких девчонок, три бабуся, две теткы с объемистыми пакетами, безуспешно пытающиеся пристроить их на коленях, словно шкодливых щенков. Снулый мужичок лет пятидесяти клевал носом на заднем сиденье, и мотало его хорошо – не иначе с новогоднего корпоратива: дорогое черное пальто распахнуто, галстук с булавкой, шелковый шарфик, которые Кит называл бизнесменскими, остроносые полуботинки с солевыми разводами. Потоптал снежок, видно. Кит почти любил своих случайных попутчиков. И тех, кто носился сейчас по магазинам, выбирая подарки, затариваясь шампанским и апельсинами, вареной колбасой для оливье и петардами для безпятиминутдвенадцатого салюта во дворе.

Все они были для него.

Они носили его норковые шапки и телефоны, кошельки с продуктами и дорогие блестящие сумочки, шубки, купленные в кредит, и сережки, подаренные на день рождения или Восьмое марта. Для него они таскали в кошельках кредитные карточки вместе с паролем прямо на банковских бланках, испещренных предупредительными надписями, полтинники для школьных завтраков, и пили они исключительно для него, размягчаясь и добрея до умопомрачения. Разве можно было их не любить? Не обожать тайно?

За свою не слишком длинную жизнь Кит прочитал полкниги, когда валялся в инфекционке с желтухой: первый том «Виконта де Бражелона» Александра Дюма. То ли из-за синюшной больничной овсянки, то ли из-за того, что и дома его не слишком баловали разнообразной едой, но самое большое и неизгладимое впечатление из прочитанного осталось от потрясающей трапезы д'Артаньяна и господина дю Валлона де Брасье де Пьерфона. Много позже он сообразил, что рассматривает людей, как гурман любовно разглядывает перепелиное крылышко в соусе из белого французского вина, причмокивая повлажневшими от предвкушения губами. И ему это нравилось...

Главное – правильно оценить варианты.

А еще у него были волшебные слова.

На улице Кит жил одиночкой. Шестнадцатилетним волчонком с обветренными скулами, взглядом исподлобья, широкой улыбкой и карманами, в которых помимо полутора-двух тысяч всегда лежали несколько дешевых авторучек: шариковых, гелевых – все равно. «Кит-авторучка» – так его называли. И он знал многих, но держался особняком, не желая сближаться с болтливой и откровенно тупой гопотой.

За «Насыпью» рыцарю на сером в ржавое яблоко павловском скакуне повезло, и он подобрал престарелую принцессу с тремя пятаками в морщинистой ладони. Поджарая бабка в старой цигейковой шубе с вытертым воротником и норковой шапке с проплешинами там, где остевой мех повылазил до подшерстка. Тощая хозяйственная сумка болталась на сгибе локтя, пока она расплачивалась за билет, ворча по поводу двухрублевой сдачи, которую скупой рыцарь выдал десятикопеечными монетками.

Кит вновь отвернулся к окну. Маршрутка катила мимо двадцать первого микрорайона, где дешевые и безликие муниципальные девятиэтажки соседствовали с оригинальными свечками элитных домов и целой улочкой двухэтажных таунхаусов. Повсюду горели огни. По фасадам сверкали вывески бутиков, аптек и мини-маркетов с новогодними гирляндами. По тротуарам сновали люди. Автобус выбирался из района новостроек, чтобы через два километра въехать в частный сектор – «Плесики». Такое вот смешное название, но Кит ехал туда за «травой» по заветному адресочку. К тяжелым наркотикам он так и не пристрастился, не успел подсесть, а вот забить косячок любил, если потом еще и пивком оттянуться – лепота.

Он едва обратил внимание на мелодичную трель телефонного звонка, которую за ревом двигателя было почти не разобрать, но скрипучий голос с визгливыми подвываниями вырвал его из задумчивости. Бабка в шубе с облезлым воротником, устроившаяся впереди него через сиденье, сдвинула набекрень шапку, выпростав неожиданно большое ухо и несколько грязно-седых прядей, прижимала к сморщенной щеке...

Мать твою! Айфон!

Кит подобрался, ощущая знакомый холодок под ложечкой, мигом позабыв про «траву» и прочие удовольствия. Секунду спустя он рассмотрел под желтыми пальцами с разбухшими артритными суставами изображение серебристого надкушенного яблочка.

– А?! Чего?!! В маршрутке я! Слышь, Никитична? А? Еду, говорю... Чего купить?! Обожди, супермаркет, кажись, проехала... Чего?!! Говори громче!..

Не может быть, думал Кит, откуда у старой карги Эппл? Неужели китайцы научились шлепать за Эппл? Все равно, даже китайский, в магазине он весит тыщ двадцать пять, а венгерский – все сорок. Бабка-то – рвань плесиковская наверняка. Вари, горшочек, вари...

Старуха вертела головой, высматривая в окнах что-то, ведомое только ей и собеседнице. Кит заметил, что сухие губы она подмазала розовым блеском, жирно подрисовала брови и наложила на сухие ящерицьи веки голубые тени. Гадость!

Вари, горшочек, вари! Телефончик ей подарили, пожалуй. Кто? Внук, сын, зять... Жест для делового плесиковского пацана нелепый. Кто-то покруче? А чего тогда выпускают в город в таком обсосанном виде, не нашлось пальтишка приличней? Почему на автобусе? Странно это все, странно. На вид и по разговору – русская. Если рвать трубу, то нести потом надо к Ахмеду – его перцы с землячества падки на такие цацки, вещь уйдет в момент, а пересекается с местной братвой они не любят... Погоди, погоди... Кит даже вспотел. Как это – рвать? Не говори «гоп»... Вари, горшочек, вари!

– Ладно, не стони... Не стони, говорю! Сейчас выйду, вернусь на остановку, есть там аптека...

Может, она бывшая ментовская? Прокурорша какая-нибудь в глубокой и немалой пенсии. Косметикой мажется... С этими ухо держи востро, у нее в кошелке запросто может «оса» лежать, а то и газовик в кармане. Плавали, знаем! Но разговаривает как торговка сем-

ками: полотняный мешок, картонная коробка и граненый стакан с угольно-черными зернами. И так лет двадцать. Кстати, могла и подкопить, хе-хе...

Кит смотрел, как бабка идет по проходу, цепко удерживаясь на ногах, словно морская волчица на раскачивающейся палубе. Трубу она сунула в карман шубы. Кит поднялся следом, спокойно и не торопясь, еще не зная, на что решиться. Он встал в шаг за спиной у старухи, но смотрел на другую сторону дороги, приседая и делая вид, что высматривает нужный дом. Поправил вязаный «гондончик» на голове, прикрываясь предплечьем от зыркающего в зеркало водилы, и надвинул плотную шапочку на самые брови.

– Тут останови, – прокричала бабка.

Дверь лязгнула, старуха проворно ссыпалась на обочину по ступеням с ледяными натоптышами. Кит вышел следом, но сразу повернул в другую сторону. Ветер утих, и мягкий снежок опускался на землю тихо-тихо, как парашютики одуванчика, где похрустывал под ногами, словно попкорн в крепких челюстях завязного киномана. Кит перешел дорогу метрах в ста от заветного айфона и быстро стал нагонять бесформенную фигурку, разгоняя кровь и энергично насыщая ее кислородом, дыша по-особому: часто и неглубоко, сильно сокращая межреберные мышцы, как учили когда-то в лыжной секции. Так сделаю, подумал он, трубу сдам у политеха, мажоров на папиных тачках там хватает. За пять – семь косых яблочко укатится – не догонишь, и слушок на Улицу от известного перекупщика не просочится. И будь она хоть генеральская дочь...

Дальше думать Кит перестал.

А сделал все быстро и чисто. И фарт сидел у него на плече, как обезьянка в цирке у дрессировщика. Он нагнал бабку аккуратно между высоток, у крутого спуска во дворы. До длинного дома с магазинами и аптекой, освещенными тротуарами и невнятно бубнящей музыкой оставалось метров двести. Ближайшие пешеходы месили свежий снег немного ближе, но не настолько, чтобы ясно разглядеть Кита в сгущающихся сумерках и снежной карусели.

Старуха вновь разговаривала по телефону, разгоня скрипучим визгом снежинки. Ай, молодца! Кит наддал, плавным скольльзящим шагом сократив последние десять метров, и легонько хлопнул драную шубейку по плечу. Рефлекс сработал, как часы: детский сад, ей-богу, – старый да малый. Женщина повернула голову и немного плечи. Правая рука с телефоном осталась сиротливо висеть в воздухе, словно еще прижимала трубку к уху. Кит привычно и нежно выхватил плоскую коробочку из сухой ладони, не останавливаясь, не сбивая шага, и метнулся во дворы.

Кажется, жертва охнула, а потом запричитала что-то – Кит не расслышал. В голове слегка шумело, и дыхание едва заметными на пятиградусном морозце струйками энергично рвалось наружу. Он не ждал, что старушка пустится вдогон (хотя и так бывало), максимум, что она видела несколько секунд, – быстро удаляющуюся фигуру в черной куртке и черной же шапочке. Кит пересек двор наискосок, обежав заброшенную хоккейную коробку, и устремился к арке в углу г-образной пятиэтажки, замыкавшей пространство между домами. Там он остановился, скинул куртку и быстро вывернул ее наизнанку, то же проделал и с шапочкой. Из арки Кит вышел в стеганой квадратами серой куртке с яркой иностранной надписью на спине, вязаной шапочке в тон и шарфом, повязанным на шее поверх воротника.

Он повернул направо и пошел по улочке между домами в сторону ярко освещенного проспекта, на ходу вынимая аккумулятор из трофейного Эппла. Мегафоновскую симку он бросил в урну, трубу сунул в нагрудный карман, бывший внутренний, аккумулятор – в джинсы, с удовольствием закурил. Великая вещь двусторонняя одежда. Такая вот канитель. Кит поймал себя на том, что лыбится во весь рот. Покупку «травы» он решил отложить на денек.

Трофейный телефон зазвонил минут двадцать спустя, когда Кит уже ехал в центр в уютно гудящем новеньком троллейбусе. Кто-то очень близко, словно над ухом, негромко произнес: «Странные праздники. Что-то меня знобит от этого веселья...» Кит выпрямился на сиденье и обернулся, уткнувшись носом в толстое стекло, забрызганное талой грязью: по давней привычке он предпочитал задние места в общественном транспорте. В груди что-то затрепыхалось, и первые такты смутно знакомой мелодии донеслись до слуха.

Кит поперхнулся, в паху возникла тянущая боль, словно его аккуратно прихватили за яйца. Он лапнул за грудь, и под вспотевшей ладонью ощутил, как мелко, с перебоями, дрожит сердце. Глаза полезли из орбит, Кит задыхался и хлопал себя по груди, как будто хотел сбить аритмию и пустить мотор положенным «тук-тук, тук-тук», а тошнотворный дребезг становился все сильнее и музыка – громче. Кит расстегнул молнию на кармане, выломав собачку и не заметив этого. Рука скользнула в темное и теплое нутро, словно между ребрами, и вырвала из груди на бледный свет длинных потолочных плафонов плоскую трепещущую коробочку...

Плотный узел в горле распустился, и хриплый громкий смех вырвался наружу. Тело растеклось по сиденью потной квашней, прядь волос выбилась из-под шапки и прилипла ко лбу. Кондукторша покосилась на Кита из глубины салона, а он смотрел на мерцающий багрово-зеленым экран айфона с двумя надписями: «вызов» и «номер абонента скрыт». Кит ощущал углы аккумулятора в брючном кармане, но недоверчиво пощупал пальцами через плотную ткань. Смех застрял на доньшке легких, вызывая слабый щекотный зуд.

Кит перевернул телефон и открыл крышку аккумуляторного отсека. Айфон в очередной раз содрогнулся в пальцах, словно мышь, которую вспороли перочинным ножиком, и продолжал содрогаться, пока Кит рассматривал пустое гнездо для сим-карты, фабричный штамп со штриховым кодом и серийным номером на дне отсека. «Трам-па-рааам, трам-парааам», – надрывалась трубка жестким, повторяющимся ритмом.

«Глюк, – подумал Кит, чувствуя на себе множество взглядов других пассажиров, – просто глюк».

Он закрыл крышку, перевернул трубку и придавил большим пальцем сенсорный экран, где была нарисована кнопка отбоя, как клопа размазал. Эппл пискнул и замер, Кит сунул телефон в карман. В голове у правого виска, но выше и ближе ко лбу вспучился комок боли. Он пульсировал, распространяя жаркие ритмичные волны до самого затылка: трампа-рааам, трам-па-рааам. Рот наполнился кислой слюной, Кит сглотнул, но желудок протестующе дернулся, словно пустой мешок на веревочке.

Парень беззвучно, но матерно шевельнул губами. Есть надо вовремя.

При мысли о еде в голове хрустнуло, словно он разгрыз целый грецкий орех, глазное яблоко заломило, и Кит ослеп на одну сторону. Больно-то как! Он прижал ладонь к лицу. Голова гудела. Комок боли носился по всему черепу, как било в колоколе на звоннице Петровского собора под рукой пьяного служки. Кит понял, что его сейчас вырвет. Он вывалился в центральный проход, слепо нащупывая поручни сидений, тусклый свет салона резал зрячий глаз, как солнце в ясный день, и не успел...

– Что ж такое?! Наркошня поганая, не передохнут никак!..

– Подождите, может, ему плохо?..

– Ага, плохо. Ну бери его тогда – и вперед!..

– Ой-й!..

Его без затей вытолкали из троллейбуса на следующей остановке. Кит немного пришел в себя, сидя на скамье в углу павильона, обильно оклеенного рекламой и афишами. Свежий воздух остудил лицо. Боль в голове утихла. Зрение прояснилось. Кислая горечь вязала рот, но тошнота не проходила. Улица кружилась, мельтешила разноцветными огоньками витрин и освещенных окон. Фары проносились мимо. Колеса разбрызгивали снежно-

песчаную жижу. Кит не имел понятия, где находится. Люди на остановке его сторонились – не спросишь, да и он не был уверен, что сможет произнести хоть слово. Скрипя тормозами, остановился автобус, двери призывно прогрохотали, но Кит не двинулся с места, пережидая сильное головокружение. Ватные ноги казались чужими, и он вцепился в сиденье, чтобы не свалиться на заплыванный, усеянный бычками тротуар.

Он закрыл глаза, стало немного легче. Плевать на цветные пятна и круги, главное, улица не переворачивается вверх тормашками, и автобусы не летают. Он поймал себя на мысли, что неплохо было бы купить литр водки и прийти в квартиру, где существуют люди, до сих пор считающие себя его родителями. Водка была паролем, как у шпионов, и здорово повышала шансы отлежаться: без расспросов, приставаний и игры в воспитание...

Нет! Кит резко поднялся. Нет, и хватит здесь сидеть! Он не боялся, что его ищут, но случайные пэпээсники могли принять за пьяного, а он был не в настроении общаться с ментами. Сейчас часика два не курить, походить, воздухом подышать...

Он прошел по Советскому проспекту двести метров и вновь почувствовал себя нехорошо. Ливер мелко затрясся, в пузе закрутило, словно кишки наматывали на половник. Кит свернул во дворы, потом засеменял по обледелому накату, как прогулочная лодка по речной зыби, и спрятался за здоровенным внедорожником. Выдох рвался из раскрытого рта зловонными облачками. Кит подождал немного, прислушиваясь к шевелениям внутри себя, и его вывернуло кровавым слизистым сгустком прямо в сугроб.

В сумерках, едва-едва разбавленных безжизненным светом фонарей над подъездными козырьками, кровь казалась черной. Капли срывались с губ ягодами черноплодной рябины и кропили снег рядом с неглубокой, словно обугленной, ямкой. Кит закашлялся, рвотные спазмы плющили и мяли желудок...

– Странные праздники, – произнес голос в кармане.

«Да уж», – согласился Кит, отплевываясь, а потом резко выпрямился.

Голова все еще кружилась, он оперся рукой о высокий, припорошенный снежком бампер джипа, оставив четкий подтаявший отпечаток ладони. Ноги ослабли в коленях и подрагивали, пот катился по позвоночнику под пуловером, надетым на голое тело.

«Так не бывает, – подумал Кит заторможенно. – Так просто не бывает!»

В кармане трепыхнулось, словно в насмешку: а ты проверь.

Кит вытащил глючный айфон. Экран светился. Плотный ярко-желтый конвертик с надписью «отправитель не определен» красовался в центре. Кит не собирался открывать сообщение. Выключенные телефоны не принимают сообщений, а выпотрошенные телефоны – без аккумулятора, без сим-карты – тем более. Пока он думал об этом, конвертик лопнул, как гнойник:

«Верни яблочко, верни. Ул. Гоголя, 13, Плесики».

Снежинки таяли на мягкой сенсорной панели, капельки сверкали крохотными радужными звездочками.

«Верни яблочко, верни...»

Неловким отталкивающим жестом Кит бросил айфон в сугроб и побежал по дворах, широко расставляя ноги, пьяной походкой утомленного пловца. Дома с облупившейся штукатуркой раскачивались, словно ржавые речные пароходы, навеки пришвартованные к берегу. Темные арки, провонявшие мочой и метками, безмолвно разевали беззубые пасти и дышали вслед колкими сквозняками. Резкие тени ломались в нагромождениях снега едва замаскированными капканами. Деревья торчали из сугробов черными, обгоревшими в морозном дыхании ветра остовами и тянули к нему скрюченные мертвые пальцы.

«Верни яблочко...»

Кит бежал, не разбирая дороги, чудом огибая припаркованные во дворах машины и ямы, вырубленные в накате до асфальта и канализационных люков. Голова пульсировала.

В ушах тонко звенело. Воздух вокруг стремительно густел. Кит толкал его грудью, широко разевал рот, с силой втягивая в легкие прохладную патоку, но все равно задыхался. Несколько раз он сворачивал наугад, ныряя в проходы между гаражами, изрисованными торопливыми граффити. Нелепые крохотные собачки с лаем выкатывались под ноги. Кто-то гоготал и свистел ему вслед из темных углов. Ограды детских садов устраивали ловушки, остроконечными пиками подпирая невидимое небо. Узкие тропинки, словно ручейки, вновь собирались в речки дворовых проездов, по которым вчерашний ветер гнал застывшую мелкую волну. Все мелькало в снежной карусели. Затуманенное сознание едва успевало реагировать на детали. Мысли прыгали в голове, как жабы, и ни одну из них Кит не мог толком осознать, кроме такой: он хотел к маме...

«Ежики... моргают, – привычно одернул себя Кит. Он всегда так делал, когда детские страхи и слабость понуждали желать того, чего на этом свете не было. – Ежики моргают...»

Обычно это помогало, но не сегодня. В следующую секунду ему показалось, что он наглотался этих самых ежей по самые гланды, и они, рассерженные тряской и бестолковой беготней, растревоженные в своем уютном гнезде, вдруг разом зафыркали, завозились и растопырили иголки во все стороны.

Боль заплела ноги. Сознание выключилось перегоревшей лампочкой. Тело еще пыталось устоять на ногах. Руки болтались, словно сломанные ветви, его потащило-повело вправо, в щель между припаркованными у сугроба автомобилями. Кит боком упал в снег. Ботинки проскребли накат, и тело сползло в густую тень, более густую и плотную, чем окружающие сумерки. Одна из машин мигнула оранжевыми огнями, но сигнал тревоги не подала...

В обмороке Кит пробыл недолго. Он открыл глаза и некоторое время рассматривал темноту под машиной, в которой угадывались трубы, рычаги и шланги. Слабый свет подползал под высоко сидящий кузов на массивных широких колесах, бампер нависал над Китом, как скальный карниз. Снег таял на губах, и Кит облизнул безвкусные пресные капли. Ежики еще ворочались внутри, но уже не топорщили иглы. И на том спасибо...

– Странные праздники, – слышалось неподалеку.

Кит ощутил тошнотворную пустоту у самого горла, как это бывает, когда пропустишь удар по копчику. Челюсти сжались, казалось, зубы вот-вот начнут крошиться.

– Странные праздники, – не унимался голос.

Парень заворочался, подтягивая колени к животу и толкая тело на снежный бруствер, как солдат в окопе. Руки проваливались в снег по локоть, подошвы скользили, но он поднимался выше. Кровь на снегу кажется черной – смазанные капли; отпечаток падения тела, вдавленный в сугроб, смерзшийся черный комок рвоты, словно кусочек угля. Кит ошалело смотрел на распашные двери «крузера»-восьмидесятки и отпечаток ладони на высоком бампере, который еще не успело присыпать свежей порошей. Его ладони...

В голове было ясно и холодно, ежики в животе затаились, осторожно шевеля крохотными ушками. Кит почувствовал их ожидание.

«Верни яблочко, верни...»

Кит выдохнул и полез наверх на четвереньках.

Через десять минут, набрав полные рукава и штанины снега, он съехал на проезжую часть двора, сжимая в покрасневших негнущихся пальцах мокрую коробочку. Сообщений пришло два. «Катись, катись, яблочко, по тарелочке» и «Верни, хуже будет». В этом Кит уже не сомневался. Не повезло так не повезло. Хреново горшочек сварил! Ой, хреново!

На Улице Кит не раз слышал о подобных вещах, хотя никогда особенно не верил.

Наговаривают. Наговаривают на деньги, вещи, еду, воду... Бросают. Если ты нашел под лавкой на бульваре червонец – вполне возможно, ты нашел и что-то еще, необязательно хорошее. Знакомый шкет, который нес всю эту лабуду про порчу и сглазы, «обзы-

вался», что нашел однажды золотую цепочку и заболел. Причем ничего особенного у него не болело, но он стремительно худел. Жрал все подряд, как свинья, и худел. Худел до тех пор, пока не отнес цепочку на то место, где нашел. Хорошо еще, толкнуть не успел, а то бы совсем хана... Кит тогда посмеялся. Костистое, обтянутое серой кожей лицо рассказчика с тонкими бесцветными губами говорило, на его взгляд, только об одном – ширяться надо поменьше. На кой хрен кому-то надо швыряться деньгами и барахлом, как мультяшному злодею, в надежде, что кто-то найдет, подберет и как-то там заболеет, а может быть, даже умрет? В чем кайф-то?! Кит не верил в безадресное зло. Это было глупо... Но на своем мнении он тогда не настаивал. Жаль было портить «хорошо сидим» пьяной склокой из-за всякой херни. Тем более, тощего все равно уже несло, и он болтал без умолку. Основной принцип любого знахарства, колдовства: не лечить болезнь, а забирать хворь, выгонять ее из организма. А потом куда деть? Не себе же оставлять. Вот и помещает знахарь заразу в предметы, еду, деньги, вещи и пускает по ветру – авось кто найдет. Говорят еще, что, если колдун делает что-то хорошее, потом он обязательно должен сделать что-то плохое, необязательно кому-то конкретно. Нельзя по-другому. Иначе силы, которые дают ему такую сверхъестественную власть и возможности, сделают плохо ему самому. Пурга, короче, но сейчас смеяться не хотелось. Не смешно.

А маршрутка была та же самая.

Кит ерзал вместе с сиденьем, вцепившись в поручень спинки переднего диванчика, истерзанного неведомыми вандалами. В салоне воняло дизельным выхлопом, мокрыми шубами и шерстью. Водила молчал, а Кит думал, что, подобрав золотую цепочку, тощий нашел своих ежей, которые и жрали его заживо, выедая мясо до костей. А еще он думал, что хитрая бабка не простая плесиковская рвань, раз сумела наговорить на дорогу и заметную вещь охранный заговор. Непривычные мысли едва ворочались в голове. Кит с безмолвной запинкой составлял в предложения малознакомые слова и понятия.

Как, драный стоц, теперь из всего этого говна выбираться – непонятно. Он не верил, что бабка растает, получив назад телефон, и примется кормить заблудшее дитя шанежками, попутно наставляя уму-разуму. Сама ситуация казалась Киту нелепой. Он не чувствовал за собой никакой вины, не умел просить прощения и извиняться. Чего ради-то? М-да, попадалово...

За «Насыпью» Кит протолкался к водиле, плюхнулся на короткое сиденье у дверей за кожухом двигателя и прокричал:

– Ты в Плесиках улицу Гоголя знаешь?

Водила кивнул, по-прежнему глядя на дорогу, осторожно вписывая в поворот брыкающийся автобус.

– Тормознешь поближе? – попросил Кит с надеждой, что улица Гоголя где-то рядышком с маршрутом, и ему не придется черт знает сколько месить снег по нечищеным переулкам. Плесики он знал плохо, а то, что знал, не вызывало желания прогуливаться там перед сном.

Водила еще раз кивнул.

Кит отодвинулся в угол, к окну, и приложил голову к стеклу. Проезжая часть сузилась, вдоль дороги потянулись промбазы и мехколонны. Они перемахнули мосток через речушку со смешным названием на указателе: Кура-Китим. Покосившиеся домишки с нахлобученными снежными шапками жались к асфальту в свете редких фонарей и выглядели так, словно собирались перепрыгнуть щелястые заборы и броситься под колеса, обрывая нищую, постылую и никому не нужную жизнь. А дальше, в глубине улочек, переулков и заснеженных огородов, была только темнота: глазастая, словно паук, – на все стороны. Кит задремал, просыпаясь изредка, когда с лязгом открывалась дверь или машину подбрасывало на колдобинах. Зловредные ежики дремали вместе с ним, свернувшись в тугие клубочки, их присут-

ствие почти не ощущалось, но Кит знал, что они внутри. Прежде чем сесть в маршрутку, он проверял.

– Э, просыпайся, приехали...

Кит разлепил глаза. Автобус стоял, двери были распахнуты, с улицы тянуло холодным влажным воздухом пополам с печным дымком. В окне маячила будка диспетчерской с ярко освещенными окнами, кто-то внутри размахивал руками, и слышалось невнятное «бу-бу-бу» на повышенных тонах. Шофер курил за рулем, с шелестом перебирая в заскорузлых промасленных пальцах мятые червонцы, щелкал остывающий двигатель.

– Это ж конечная, – пробормотал Кит, сглатывая слюну. – Ты чего?

– Конечная, – легко согласился водила, а кончик сигареты выпрыгивал: двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят. – А Гоголя? Вон она, Гоголя...

Кит посмотрел в треснутое лобовое стекло. Маршрутка стояла мордой в поле. Точнее, с одной стороны прямо по курсу он видел сплошное белое покрывало до смутных, едва видневшихся за косыми росчерками очумелых снежинок, контуров лесопосадки, а с другой – плотную массу домов и домиков с дымящимися печными трубами, самый краешек Кирчановска, от которого до ближайших совхозов и прочих свинячьих хозяйств – рукой подать.

Он перешел через дорогу, которая вела куда-то вверх, в сторону загадочной башни, черным, ожиревшим пальцем указующей в невидимое небо. Улица Гоголя начиналась петляющей тропинкой – где шире, где уже, – но и слепой бы понял, что машины по ней не ездят. Тропинка напоминала ущелье со стенами около полуметра высотой. Окна углового дома были ярко освещены. Плотные занавески скрывали происходящее внутри. Кит закурил, рассматривая на углу дома две таблички. Одна, вполне современная, как тысячи подобных по всему городу, была обращена прямо к нему и площади с диспетчерской. Другая походила на идиотский скворечник без дна и передней стенки, под крышу которого кому-то взбрело в голову присобачить электрическую лампочку. На обеих было написано одно и то же: ул. Гоголя, 1.

Кит пожевал фильтр сигареты, добывая ее длинными затяжками, и сплюнул бычок на обочину с застывшим отпечатком автомобильного протектора. Хер ли стоять? Идти надо, пока ежики не проснулись. Трам-па-раам, трам-па-раам...

Улочка оказалась без единого фонарного столба и короткой – в шесть домов. За заборами бесновались собаки, гремя цепями. Кита до смерти перепугал башкастый «кавказец», в исступлении обгрызающий низ деревянной калитки: сухо хрустело, летела щепа. Перекусит надвое – не хер делать.

Дом номер тринадцать стоял наособицу, в конце тропинки пред плотно утоптанном пятакком метров десяти в поперечнике, среди стройных сосенок, чьи высокие кроны прятали проваленную крышу от тихо падающего снега. Остатки символической ограды указывали на границы участка. Унылый домишко в два тускло освещенных окна.

– Эй, – крикнул Кит в сторону дома, остановившись у приоткрытой калитки.

За спиной, на погруженной во тьму улице, взлаiali коротко, но больше для порядка. Кит обернулся. Диспетчерская казалась далекой и нездешней, как космическая станция на околоземной орбите. По дороге проехала машина, шум работающего двигателя быстро утих. Кит осторожно ступил за ограду. Непохоже, чтобы где-то поблизости притаилась собака, но мало ли... Хотя зачем *такой* хозяйке собака? Слева от дома громоздилась шаткая на вид постройка, от которой к крылечку была протоптана дорожка. Такая же тропинка вела от калитки к темному крыльцу в три ступени. В остальном дворик был пуст, гол и засыпан ровным слоем непотревоженного снега. Местами виднелись бугры, от которых в сторону дома тянулись густые синие тени, но, что под ними – перевернутое ведро, оставленное с осени, или куча ботвы вперемешку с листьями, – кто бы знал?

Мягкий снег явственно поскрипывал под ногами. Кит морщился на каждом шагу, хотя таиться вроде и не собирался. Окна в доме были освещены слабо (телевизор? настольная лампа?) и задернуты занавесками вполотна. Он пытался уловить малейшее движение, перемещение теней, звуки, но тщетно.

– Эй, – позвал Кит, в горле запершило, и голос дал петуха.

Возглас увяз в ватной тишине без остатка. Кит смотрел на входную дверь. Накидная петля висела вдоль коробки: если и заперто, то изнутри. Воздух стоял неподвижно, как в банке, казалось, Кит слышал ломкий хруст, с которым падающие вертикально снежинки ложились на своих собратьев. Прошелестела ткань куртки, ладонь ухватила за простую дверную скобу с многолетними наслоениями краски. Кит рывком потянул дверь на себя. Она открылась легко и беззвучно, и Кит чудом не шлепнулся на задницу, повиснув на скобе. Уффф...

Он постоял несколько секунд, вглядываясь внутрь. Прямо напротив входа в дальней стене виднелось пыльное оконце, слабый свет с улицы сочился навстречу распахнутой двери. Кит поднялся по ступеням, перешагнув порог. Сени были холодные, несерьезные, как летняя веранда, и неподвижный воздух, казалось, впитал в себя застарелый смог прошедших морозов, осевший на стенах колючим инеем. В дальних углах угадывалось что-то похожее на ящики, у порога Кит заметил только веник из прутьев, прислоненный к бревенчатой стене. Дверь в дом, обитая дерматином, простроченная шляпками обоевых гвоздей, походила на драный ватник, зачем-то распятый на стене. Мощные петли для навесного замка смотрели на вошедшего пустым мертвым глазом.

Далеко на улице просигналила машина. Кит вздрогнул, испытыв мгновенное, почти непреодолимое желание опрометью броситься прочь. Ежики тоже что-то такое почувствовали, в животе заворочались тугие комки – шалишь, парниша. Кит выдохнул несколько облачков пара, особенно заметных в косом столбе жиденького света из оконца, и ткнул пару раз кулаком дерматиновую дверь – постучал вроде. «Зачем? – мелькнуло в голове. – Меня здесь и так ждут». Угол рта опустился. Кит не стал ждать приглашения, старуха могла быть глухой, как осиновая колода, зря, что ли, в трубку так орала...

– Эй, хозяйка, – позвал Кит, переступая порог, – можно?

Не было у него никаких ожиданий. Какие, на хрен, ожидания, если тебя попросту поставили раком и дерут несколько часов, прозрачно намекая, мол, будешь трепыхаться – выблюешь собственные кишки? А все же торкнуло.

Кит зажмурился и перестал дышать. Потом вытаращил глаза, рот открылся сам по себе, руки безвольно повисли, словно приставленные к телу посторонние предметы. Легкие запылали, и Кит таки вдохнул теплый, но свежий воздух с ароматом дорогих сигарет. Глаза увлажнились от напряжения, он заморгал часто-часто, как будто надеялся смахнуть наваждение движениями век.

Перегородок внутри дома не было – совсем. В центре комнаты пылал открытый огонь в квадратном поддоне, выложенном облицовочным камнем. Раструб вытяжки жадно нависал над языками оранжевого пламени, труба квадратного сечения врезалась в потолок. Кит «поплыл», словно жестко получил в бубен. В ушах тонко звенело, взгляд не мог задержаться на чем-либо. Череда деталей обстановки никак не складывалась в голову в цельную картинку. Пластины дорогого ламината и угол длинноворсного бежевого ковра. Плазменная панель на стене и музыкальный комплекс, мигающий разноцветными огоньками, как приборная доска в самолете. Угловая тахта в дальнем углу с разбросанными подушками и подушечками и кресла замысловатой формы, напоминающие спеленатые облака. Кухонная зона, отделенная от остального пространства высокой стойкой, напигованная техникой, как космический корабль в фантастическом фильме. Большие панорамные окна, в одно из которых

виднелась голая, до самого горизонта, холмистая равнина с тремя лунами в дымчатом фиолетовом небе, другое же было плотно зашторено.

Кит сглотнул, в ушах щелкнуло, слуха коснулись тихие заунывные звуки, изредка прерываемые неритмичным бух-бубум, от которого вибрировали зубы и выворачивало суставы, как в горячке.

– Пришел, – знакомый скрипучий голос проткнул Кита насквозь, словно вязальной спицей.

Он завертел головой, но никак не мог определить, откуда донесся звук, и детским жестом потер глаза. Когда черные мухи и цветные круги истончились до прозрачности и разлетелись к периферии зрения, он увидел ее.

Старуха сидела за кухонной стойкой на высоком табурете со сверкающими в отсветах пламени хромированными ножками. В окружающем ее великолепии она казалась не уместнее печного ухвата в роли пульта дистанционного управления плазменной панелью на стене. Грязно-седые космы обрамляли морщинистое лицо с пигментными пятнами, которых раньше Кит не заметил. Губы еще сохранили немного розового блеска в сухих трещинах, а вот голубые тени с век почти осыпались. Глаза с желтоватыми влажными белками были почти черными. Кит не мог различить зрачки.

– Пришел, – повторила бабка и заулыбалась. Большие уши поехали вверх, губы растянулись, как два дождевых червя, обнажая ослепительную белизну искусственных зубов. Редкая щетина топорщилась на подбородке.

Четыре низких светильника роняли свет на стойку. В пепельнице дымилась длинная черная сигарета, перед бабкой стояла бутылка «Гиннеса», а в высоком стакане, над столбом дегтярного цвета шипела мелкая пена. Кит слышал, как лопаются каждый крохотный пузырек.

– Ну, – сказала хозяйка и глотнула из стакана. С доньшка сорвалась капля, бабка утерла пену с верхней губы, мокрые усы сделались заметнее.

Кит выпрыгнул из ботинок, словно в них насыпали угольев, и подошел к стойке на негнувшихся ногах, оставляя на ламинате влажные отпечатки.

– Вот, – пробормотал он, выкладывая на стойку айфон, аккумулятор и новый пакет подключения от «Мегафона». – Я...

– Что?

– Я, – повторил Кит, рассматривая замысловатый узор столешницы, – я больше не буду. Извините...

Его бросило в жар. Бум-бубух стало повторяться чаще, и у Кита появилось ощущение, что его череп стал пластилиновым, а заунывные звуки формуют кости заново. Пот мелкими капельками выступил на верхней губе, во рту пересохло.

– И?

– И, – Кит сунул руки в карманы, правая нащупала одну из шариковых ручек и принялась тискать пластик подрагивающими пальцами, – и ежеikov уберите, пожалуйста...

– Ежеиков? – Бабка вздернула карандашные брови, а потом захихикала. – А-а-а, ежеиков...

– Пожалуйста, – попросил Кит и неожиданно для себя выпалил: – С наступающим вас...

На секунду все звуки замерли, словно сам воздух застыл янтарной жижей, а потом тишина лопнула, разбитая вдребезги утробным кастрюльным звоном. Кит вскинул взгляд. Старая ведьма звонко смеялась, вздрагивая плечами в плюшевой жилетке, сигарета дергалась в артритных пальцах, дымок выплясывал антраша. Черные глаза увлажнились.

Краем глаза Кит заметил неясное движение в окне, что-то изменилось в пейзаже, двинулось, дрогнуло и пошло рябью. Бум-бубух, бум-бубух...

– Уберу, – выкрикнула бабка сквозь смех и слезы. – Ох, уберу, милый! Вона у меня в подполе скляница с красной крышечкой, а в ней – настоечка. Как рукой сымет...

В подполе?! Кита затрясло. Какой, в жопу, подпол?!

– Ты уж сам... Прости старую. Колени не гнутся лезть, а скляница одна такая там – не спутаешь... хи-хи-хи-хи... слева, в углу настоечка...

Кит почувствовал запах ее дыхания: вонь мусорной кучи, пропитанной «Гиннесом». В животе закрутило.

– Пожалуйста, – прошептал он почти беззвучно. – Я же вернул вам те...

Слова застряли в горле, столпившись в панике. Кит забыл обо всем: об окне, старухе, ежиках и своей пульсирующей голове. Зеленая коробочка с сим-картой и инструкциями по подключению все так же лежала там, где он оставил ее минуту назад, а рядом – ржаной заплесневелый сухарь размером с ладонь. Угол сухаря обломан, но осколок лежал рядышком. И никакого айфона.

Он поднял глаза, заметив, что в доме вновь наступила строгая тишина.

– А за окном снежинки тают, – пропела старуха без тени улыбки дребезжащим старческим контральто. Кит мгновенно узнал мотив и все понял. – А и правильно, – ослабилась старуха. – А и верно. На сладенькое вас токмо и приманишь, но откуда бы у меня такому телефону взяться?

Она перестала улыбаться и смотрела на Кита неподвижным взглядом, лицо казалось вылепленным из глины. Таких лиц он видал тысячи. Он был для нее никем. Куском мяса, премудрым пескарем, выуженным на банальную наживку, – не больше.

– Уж ты мне теперь послужишь, – пообещала ведьма. – Послужишь...

Кит кивнул, в голове все пылало. Он представил, как тискал этот сухарь в троллейбусе, ломал его, воображая, что вытаскивает аккумулятор, скребет ногтем неподатливую корку, «вынимая симку», а на деле лишь загоняя под ноготь жесткие, как наждак, крошки. Потом он живо вообразил, как толкается на широком крыльце политеха, между массивных колонн и, тыча сухарем в мажоров, важно произносит: «Эппл надо? Возьми, недорого отдам». Но это было бы лучше, чем заявиться к Ахмеду...

Кит прикрыл глаза, вынул правую руку из кармана, большим пальцем скинул колпачок и воткнул авторучку под тонкое веко с осыпавшимися голубыми тенями.

– Ох, – сказала бабка. Рот ее разом ослаб, распустился в плаксивую гримасу, а целый глаз смешно съехал к переносью. Кит смотрел очень внимательно и даже разглядел зрачок. Сильным толчком ладони он загнал авторучку глубже. Что-то хрупнуло. Тело опрокинулось навзничь, грохнуло об пол, словно с табурета упал промерзший насквозь суповой набор.

Боль в голове усилилась, собираясь в маленький шар над правой бровью, ежики в животе мстительно заворочались. Пипец, подумал Кит, странные праздники. Голова закружилась, Кит плотнее сомкнул веки, а когда открыл, то обнаружил, что стоит, привалившись к огромной и холодной печи. Ну так и должно быть: какие телефоны – такие и избы. На грубо сколоченном столе горела оплывшая свеча. Алюминиевая кружка с темным пойлом соседствовала с неуместной коробочкой. Логотип «Мегафона» смотрелся странно, словно кто-то блевал крошками гнилого сухаря, что лежал тут же, рядышком: «Будущее зависит от тебя». Это верно, решил Кит, рассматривая кучу тряпья на полу: плюшевая жилетка, задранные ситцевые юбки, грубые чулки, раздувшиеся на коленях, колченогий табурет между бесстыдно раскинутых ног, войлочные ботинки на резиновом ходу, с замочком, модель «прощай, молодость». Остальное было погружено в густой полумрак. Чернильные углы, заскорузлые от пыли занавески на окнах. Кит еще раз посмотрел на тело. Убил?! Нет?! Плевать, в сущности. С ним-то что будет?

Ага, понятно. Ежики проснулись.

Кит оттолкнулся от печи и побрел к выходу, но через два шага запнулся. Коротко брякнуло железо, большой палец заломило так, что Кит на мгновение позабыл об остальном. Боль была яростно белой, и...

Кольцо.

Металлическое кольцо в полу. Поперек половиц немалая щель.

Мысли ворочались тяжело и больно, пока не столкнулись с оглушительной вспышкой.

Подпол!

«...Вона у меня в подполе скляница с красной крышечкой, а в ей настоечка. Как рукой сымет...»

Кит стоял на крышке люка, покачиваясь, как дряблая водоросль в тихой воде. Брехала все старая, нет там ничего – ни с красной крышечкой, ни с зеленой. Вари, горшочек, вари! Да? А как она, интересно, хотела, чтобы ты ей послужил? С ежиками в пузе, а?! Кит взял со стола кружку со свечой, пламя затрепетало, слабые хлопки звучали, словно щелчки пальцами. Нет, замануха это. Очередной сухарик, как в пакетике с «Кириешками». Нельзя туда. Да?! А че делать?! Сдохнуть?!

Надо посмотреть, решил Кит, хуже не будет. Чтоб ты, горшочек, треснул!

Он потянул за кольцо, преодолевая тошноту и боль. Из черного проема дохнуло сырým холодом.

Кит посветил вниз, разглядывая не слишком пологую лестницу и часть полок с пыльными банками, за которыми смутно проглядывали краснощекие помидоры и пупырчатые огурчики, заплесневелые грибочки и еще какая-то гадость – не разглядеть. Кит немного подумал и надел ботинки, потом присел на край, свесив ноги вниз. Ежики затеяли игривую возню, пришлось немного обождать, Кит сплевывал кисло-горькую слюну вниз между коленей. Пора...

Спускался осторожно, как старик, проверяя каждую перекладину на прочность, прислушиваясь к малейшему треску. Бегло осматривался по пути и, кажется, заметил на стене электрический выключатель метрах в двух от подножия лестницы. Подпол оказался неожиданно большим, дальние углы и полки не просматривались. Справа или слева? Что карга говорила? Быстрее, некогда уже думать! Кит стоял на предпоследней ступени лестницы, вода свечным огарком из стороны в сторону, воск стекал на пальцы...

Крышка люка с грохотом закрылась.

Кит вскрикнул и выронил импровизированный светильник. Свеча погасла.

– Эй, – сказал Кит громким шепотом. – Эй!..

На большее – не осмелился.

Темнота прильнула к нему холодным телом, коснулась лица. Кит задрожал, лестница под ним опасно зашаталась. Он не знал, на что решиться: лезть наверх или сначала найти и зажечь свечу, попробовать выключатель, и... не двинулся с места, обратившись в слух. Все в нем kloкотало: кровь, сердце, дыхание. Воздух с присвистом сочился сквозь зубы, как он ни сдерживался. Ни единого звука над головой. Сама, что ль, свалилась? Крышка откидывалась не полностью, упираясь в угол печи. Вот гадство!

Свет, решил Кит несколько томительных секунд спустя, свет.

Не паникуй...

Он стал нащупывать ногой последнюю перекладину. Куртка шелестела оглушительно. Ага, вот она! Кит встал на земляной пол, одна рука выпустила лестницу и опустилась. Он перевел дыхание. Так, не забыть: справа полки, слева стена – до угла с выключателем не больше полутора метров.

Зажигалка, идиот!

Кит едва не рассмеялся и тут же расслышал в темноте впереди неясный шорох. Е-мое! Некоторое время он не шевелился, да и не смог бы. Горло перехватило спазмом, но ничего

не происходило. Темнота по-прежнему нежно целовала в щеки, глаза, губы. Ежики трепыхались.

Показалось тебе, показалось, не бзди!

Шорох повторился, ближе или нет, Кит не понял. Свободная рука медленно – чтобы не шелестела говорливая пропитка – потянулась в карман. Пальцы нащупали зажигалку с почти выкрошенным кремнем. Через секунду, а может быть пять минут, Кит осмелился вытащить руку и даже протянуть ее вперед-вверх. Палец лег на колесико, напрягся...

Слабое частое постукивание, словно сухими деревянными палочками легонько касались стекла, прозвучало как автоматная очередь. Кит крутанул колесико, вспыхнуло пламя, темнота на секунду-две отшатнулась прочь. В двух метрах от себя Кит увидел...

Огонек погас, мозг его еще пытался сложить из затейливого переплетения непонятных палочек и мохрящегося тряпья какой-нибудь знакомый образ, а палец, живущий отдельной жизнью, чиркал и чиркал колесиком, рассыпавшим бесполезные искры. В темноте по-паучьи шевелилось. Теперь ближе...

– А за окном собаки лают, – пропели вдруг над головой и ненадолго подавились скрипучим смешком. – А за окном кого-то... Трам-па-раам! Трам-па-ра-ам! Трам-па-раам!..

Впервые Кит Авторучка пожалел о том, что его никто не будет искать.

Леонид Негуляев Богохульник

Бойцы, растянувшись в цепь, серо-зелеными призраками бесшумно скользили по лесу, на мгновения замирая за толстыми стволами и настороженно осматриваясь, после чего перемещались вперед, к следующему дереву. В их плавном и вместе с тем стремительном движении прослеживалась какая-то закономерность, которую Глеб никак не мог уловить.

Он неуклюже топал метрах в двадцати сзади, с огорчением рассматривая новые хромовые сапоги с налипшими комьями грязи.

«Все в войну играют, – недовольно думал он, обходя лужи. – Кто-то из местных сегодня утром заметил тут двух подозрительных мужиков, и теперь всю роту подняли по тревоге и отправили прочесывать лес. Человек шестьдесят, и это чтобы двоих изловить. Ну солдаты – ладно. А вот меня какой черт сюда занес? Мог бы спокойно в части остаться.

Это все старлей, Гаврилкин: „Ну что, товарищ политрук, не желаете ли к нам присоединиться? Может, пострелять доведется. А то вы, наверное, разучились автомат в руках держать?“

И все это с такой гаденькой ухмылочкой заявляет, при рядовых и младшем комсоставе».

Почему командир роты сразу, с первого взгляда его невзлюбил, можно было только догадываться, но от этого факта никуда было не деться. Отношения между ними оставляли желать лучшего. Нет, конечно, Гаврилкин вел себя подчеркнуто вежливо и тактично, однако в его серых, глубоко посаженных глазах трудно было не заметить презрение и насмешку.

«И чем я ему не угодил? Тем, что в боевых действиях не участвовал и пороха не нюхал? Так моей вины в том нет, что поздно родился. Конечно, при желании можно было добиться, чтобы еще в сорок четвертом призвали, а там, глядишь, и на фронт попал бы. Рядовым. А так уже успел училище закончить и звездочки получить. Теперь я лейтенант, а он, Гаврилкин этот, хоть и всю войну прошел, только дослужился до старшего. Да я к его возрасту, глядишь, полковником стану. Нет, я правильно поступил. Бандеровцев ловить – это не с фашистами сражаться».

Погруженный в свои мысли, Глеб не заметил, что солдаты застыли за деревьями, а сержант машет ему руками, корча страшные рожи.

От сильного толчка в спину он плашмя упал в липкую грязь. В тот же момент где-то рядом гулко застучал крупнокалиберный пулемет.

По стволу возвышающегося над ним дуба будто ударили большим деревянным молотком. На голову посыпались щепки и кусочки коры. Следующая очередь легла ниже, и пули с чавкающим звуком врезались в землю, взметнув перед лицом фонтанчики воды и грязи.

«Все! Это конец!» – с ужасом подумал Глеб, поняв, что теперь пулеметчик не промахнется. Он представил, как тот слегка приподнимает ствол, совмещая рамку прицела с его так хорошо заметной на фоне опавшей листвы фигурой, и плавно нажимает спусковой крючок.

Сзади сухо затрещали автоматы, и в уши ударил грохот взрыва. Затем еще одного. Всем телом вжимаясь в мокрую, податливую землю, Глеб думал только об одном: как зарыться в нее полностью, с головой, чтобы не видеть и не слышать этого кошмара.

* * *

– Ну что, герой! – вернул его к действительности раздавшийся над головой насмешливый голос командира роты. – Вставай, самое страшное уже позади. Если ты такой смелый,

что в одиночку на пулемет пошел, чего же это дело до конца не довел? Скажи спасибо Поликарпычу. Он тебя от смерти спас и схорон гранатами закидал. Если бы не он, тут, наверное, много парней полегло бы. Ты ему бутылку поставь, когда домой вернемся!

Глеб поднялся, едва удержавшись на подкашивающихся ногах, и ошалело огляделся.

– Ты, Серега, отстань от парня! – Подошедший особист достал из кармана смятую пачку папирос, протянул ее старшему лейтенанту и чиркнул зажигалкой. – Не видишь, что ли, он еще не пришел в себя. Что мы там имеем?

– Что имеем? – Гаврилкин глубоко затынулся, посмотрев на вывороченные из земли бревна наката полузасыпанной землянки, возле которой лежало несколько трупов, прикрытых плащ-палатками. – Четверыхдохлых бандеровцев имеем. И один из моих парней погиб. Рядовой Котов. Две пули в грудь. Если бы не этот деятель, мы бы их тепленькими взяли.

– Ты мне всегда обещаешь хоть одного захватить живьем, – улыбнулся особист. – Да вот только у тебя это почему-то почти никогда не получается. Начальству это не нравится, Серега!

– Да пошел ты, Федя, подальше вместе со своим начальством! – Гаврилкин со злостью выбросил окуроч и плюнул под ноги. – Вам легко приказы отдавать. А я своими парнями рисковать не собираюсь. Получится – значит, получится. А нет – так и хрен с ними, с этими бандитами. Все равно их расстреляют!

– Ну ладно, ты только не кипячись. Лучше прикажи солдатам землянку обыскать и трупы в машины отнести.

– Это еще зачем? Мы сейчас их в схорон скинем, землицей присыплем и даже крестик соорудим, чтобы все было по-христиански.

– Нельзя! – Особист посмотрел на своего собеседника, как на несмышленного ребенка. – Ты разве забыл, что эти трупы мы должны на центральной площади вашего городка на сутки на опознание выставить? Чтобы попытаться установить личности.

– Ох и мерзопакостная у тебя служба!

– Не говори! – легко согласился Федор. – Уже давно подал рапорт, однако комбат и слушать о переводе не желает, пока мы тут порядок не наведем.

Закурив, офицеры направились вслед за уныло бредущими к машинам солдатами.

Глеб, с сожалением взглянув на свою новенькую, насквозь мокрую и измазанную в грязи шинель, поплелся следом.

* * *

– Вы не обидитесь, товарищ лейтенант? – спросил старшина роты, невысокий кряжистый мужчина лет сорока пяти, отставляя в сторону купленную Глебом бутылку коньяка и разливая по стаканам разбавленный спирт. – Помянем раба Божьего Павла Котова, пусть земля ему будет пухом!

Все молча выпили. Разговор не клеился. Сотрудник особого отдела, капитан Нестеренко, сославшись на неотложные дела, поднялся из-за стола и попрощался.

– А погода так и шепчет: займи, но выпей! – делано бодрым голосом заявил Гаврилкин, выходявший проводить особиста до машины. – Ветер такой холодный, и все небо в тучах. Не иначе к утру снег пойдет. – Зябко потирая руки, он присел к столу, потянувшись за папиросой. – Да и пора уже. Ноябрь на исходе. Ну что, мужики, давайте еще по одной накатим? – без всякого перехода добавил он, разливая спирт по стаканам. – За тебя, Поликарпыч! За то, что ты политрука нашего спас.

– Да это не я. Это его Бог спас, – смутился старшина, поднимая стакан. – Возьми этот бандит прицел немного повыше...

– А ты что, в Бога веришь? – перебил его младший лейтенант Панин, командир первого взвода.

– Верю, Вася! С сорок третьего года. Когда на Малую землю высаживались, в наш сейнер снаряд угодил. Да так удачно, что эта посуда в момент ко дну пошла. А нас в трюме – как селенок в бочке. Я к люку кинулся, а его взрывом заклинило. Что я только ни делал, не могу открыть, и все тут. А вода прибывает. Уже захлебываться начал. И тогда я вспомнил, что крещеный, и крестик на груди нащупал. Начал молиться. Шептать молитвы, которые знал. А точнее – не знал. Так, вспоминал только отдельные фразы.

Потом сознание потерял, а когда в себя пришел – плаваю на поверхности, намертво вцепившись в какую-то доску. Вода ледяная. Дело это было в феврале. И тут опять Все-вышний помог. С катера, который рядом проходил, меня заметили и на борт подняли. Хотя тьма вокруг стояла кромешная. Как выжил, до сих пор не пойму. Одно сказать могу – тут без Божьей помощи не обошлось.

Старшина рассеянно посмотрел на зажатый в руке стакан и опрокинул его в рот.

– Не знаю, как вам тогда удалось спастись, товарищ старшина, – вклинился в разговор Глеб, – да только Бог тут ни при чем. Потому как нет его! А вам, товарищи, стыдно должно быть! Ведь вы все командиры. Вам партия воспитание солдат доверила. А вы сидите, уши развесили и слушаете такую чушь.

– Заткнись, политрук! – резко оборвал его командир роты. – Мы на поминки собрались, а не на политинформацию!

– А почему это вы мне рот затыкаете, товарищ старший лейтенант?! – Глеб почувствовал, что уже не может сдержаться, и сейчас выскажет этому человеку все, что о нем думает. – Вы как коммунист должны поддержать меня в этом вопросе и помочь бороться с мракобесием.

– Кто тебе сказал, что я коммунист? – На лице командира появилась мрачная ухмылка.

– А как же иначе? Как вам тогда роту доверили? – растерялся Глеб.

– Сам не пойму.

В голосе Гаврилкина политрук уловил знакомые насмешливые нотки.

– В сорок первом полк доверяли – и ничего, справлялся. А потом в плен попал. Правда, через неделю сбежал и около трех лет партизанил, однако этот факт никого не интересовал. Разжаловали в рядовые и отправили на передовую. А ты, лейтенант, не смей со старшими таким тоном разговаривать! Надо же, задумал Поликарпыча, который тебе в отцы годится, жизни учить!

– Должность у меня такая, товарищ старший лейтенант – политрук! – Глеб почувствовал, что начинает успокаиваться. – Я воинствующий атеист и должен нести это учение в массы.

– Я одного не понимаю, – старшина задумчиво посмотрел на тлеющий огонек папиросы. – Вот вы, лейтенант, в Бога не верите. Ну и что? Ведь это ваше личное дело. Зачем же другим свои убеждения насильно навязывать? Политзанятия проводить, зачеты по работам Ленина и Сталина устраивать?

– Вот вы как заговорили! – насупился Глеб. – А ведь вы должны населению освобожденных территорий преимущества социалистического строя разъяснять.

– А они есть, преимущества эти? – с иронией поинтересовался Гаврилкин. – Ты вот побеседуй с жителями этого городка, когда им лучше жилось – до войны, при поляках, или теперь, когда эти территории отошли к нам? Что-то им не очень нравится наш строй, если они поднимаются против нас.

– Как вы можете так говорить про наш строй, если сами сражались за него с оружием в руках?!

– Да я не за строй сражался, а за Родину! – Почувствовав, что сказал лишнее, старший лейтенант осекся и замолчал.

– Где хоть его похоронят? – спросил Панин, чтобы разрядить обстановку.

– Место хорошее подыскали, почти в центре кладбища, – оживился Гаврилкин, – ребята уже и могилку выкопали. Это Воронова, как собаку, зарыли за оградой.

– Почему? – Панин удивленно посмотрел на командира.

– Большая часть населения тут верующие, а у них отношение к самоубийцам особое.

– А что случилось с этим Вороновым? Я фамилию слышал, а подробности о его смерти почему-то никто не рассказывает.

– Слушай, раз такой любопытный. Андрюша был у нас интеллигентом. Учился в институте. А потом бросил и подал заявление в военкомат. Это произошло в начале сорок пятого. На фронт, как хотел, не попал. Закончил курсы «Выстрел», вышел оттуда младшим лейтенантом и получил назначение ко мне в роту. Парень был умный. Умный и серьезный. Я сделал его своим заместителем.

А тут – это пару месяцев назад случилось – ночью местные донесли, что видели, как подозрительный мужик зашел в один из домишек на окраине. Взял Андрей солдат и бросился туда. Бандит успел скрыться, однако при обыске нашли и оружие, и прокламации с призывами против советской власти. Хозяйку этой халупы задержали. Андрей побеседовал с ней в штабе и отпустил на все четыре стороны. Как потом объяснил, не привык, мол, воевать с женщинами. К тому же она беременной оказалась, на пятом месяце. А мужик, что ночью приходил, – ее муж. Неужели она могла выставить за дверь законного супруга?

К обеду подкатили особысты. Как узнали, что Андрей отпустил эту бабу, выматерили его по первое число, а затем помчались к ней домой. Ее, конечно, к тому времени и след простыл, что, впрочем, их не очень расстроило. Собак пустили и к вечеру вышли к землянке, в которой скрывались бандиты. Те отстреливаться начали, ну мои ребята их и положили. И бабу эту беременную в том числе. В общем, все как обычно.

Про этот случай все уже начали забывать, а тут приехал Федор со своими орлами. Он, оказывается, получил приказ о задержании пособника бандеровцев гражданина Воронова. Причем клятвенно меня заверил, что приказ этот поступил из штаба дивизии, куда кто-то из наших настучал. А Андрей, как увидел в окошко, что за ним пришли, пустил пулю себе в висок. Вот и вся история.

– Трусом он оказался, – авторитетно заявил Глеб, доставая из лежащей посреди стола пачки последнюю папиросу. – Ответственности испугался.

– Трусом? – переспросил Гаврилкин, скручивая козью ножку. – Нет, трусом он не был. А тебе, политрук, прежде чем в адрес других такие обвинения выдвигать, я бы рекомендовал на себя посмотреть. Небось сдрейфил, когда лежал под пулеметом?

– Я?! Сдрейфил?! – запальчиво воскликнул Глеб. – С чего вы взяли? Просто растерялся немного.

– Ясное дело, испугался, – поддержал командира Поликарпыч. – Да и как тут не испугаться, когда по тебе с двадцати метров из пулемета лупят? И мне было страшно. Кому же хочется умирать? Однако в тот момент, когда он прекратил стрелять, я почему-то подумал, что у него кончилась лента или перекосило патрон, значит, успею вскочить и бросить гранату.

– Так! Теперь мне все понятно! – Глеб плеснул себе полстакана спирта и опрокинул в рот, даже не почувствовав вкуса. – Выходит, вы все считаете меня трусом? Но ничего, я вам докажу, что вы ошибаетесь. Я предоставляю вам возможность убедиться и в моей храбрости, и в том, что Бога нет. Возьму десяток гранат, пойду на кладбище, разнесу по камням часовенку, а потом могилы бандеровцев с землей сровняю. Если Бог есть – он меня накажет, но,

если я вернусь целым и невредимым, вы в потусторонний мир верить перестанете. Ну что, по рукам?

– Ты, политрук, видимо, перебрал. Да за такое богохульство против нас ополчится все местное население. Командованию пожалуются, и у тебя будут такие неприятности, что на своей карьере можешь сразу поставить крест, – усмехнулся Гаврилкин, считая высказывание Глеба глупой шуткой. – С мертвыми воевать легко. А ты вот с живыми попробуй!

– А что, товарищ старший лейтенант, – внезапно подал голос Панин, – пусть сходит. Конечно, часовенку трогать не нужно, а вот могилу Вурдалака с землей сровнять не помешало бы.

– Вурдалак? – слегка заплетающимся языком переспросил Глеб. – Это еще кто такой?

– Да был тут полицай один. Садист, каких свет не видывал. Все местное население его ненавидело. И когда мы его взяли полгода назад, то по просьбе общественности принародно повесили на площади, а потом прикопали в дальнем углу кладбища. Даже креста на могилу не поставили. – Поликарпыч, встав, разлил остатки спирта.

С трудом проглотив обжигающую жидкость с мерзким запахом резины, Глеб понял, что этот стакан был явно лишним.

– Вурдалакам положено на могилы не кресты ставить, а забивать осиновые колья, – с видом знатока заметил он, с трудом проглатывая подступивший к горлу ком. – И я это сделаю. Где могила?

– А может, не стоит? – попытался образумить его Поликарпыч. – Выпили вы прилично. Да и поздно уже. Первый час ночи.

– Ничего, пусть сходит, – неожиданно поддержал Глеба Гаврилкин. – Только гранаты с собой брать не смей! Кол сейчас подыщем. А поутру, когда Котова похороним, мы на могилку к Вурдалаку наведемся и посмотрим, стоит там кол или ты перепугался и с полпути вернулся.

– Тогда я пошел. – Глеб встал и направился к выходу, но неожиданно остановился около двери. – Не знаю, что надеть. Шинель свою я застирал, она еще не высохла, а на улице холодно. И не могли бы вы мне дать несколько папиросок на дорожку? – Он покосился на лежащий посреди стола кисет и клочки газеты. – Я махорку не курю.

– Насчет шинели вы, товарищ лейтенант, не волнуйтесь. Я вам сейчас что-нибудь подходящее подберу в каптерке. – Старшина поднялся, доставая из кармана связку ключей. – А вот с папиросами сложнее. У нас все припасы кончились, а магазины, сами понимаете, закрыты.

– Этот вопрос мы сейчас решим, – Гаврилкин запустил руку в карман кителя. – Ты, политрук, узбекские папиросы никогда не пробовал? Меня угостил Амирханов. Ему на днях прислали посылку из дому. Да ты все забирай. Всю пачку. Я лучше покурю самосад, чем эту дрянь.

* * *

Слегка пошатываясь, Глеб шагал по улице, путаясь в длинных полах. Шинель была старой и мятой, с несколькими аккуратно заштопанными дырочками, тянущимися наискосок от левого плеча к нижнему углу правой лопатки, и немного великовата, однако ничего более подходящего на складе не оказалось. Кол он держал в руках, опираясь на него, как на посох, а вот топор пришлось сунуть за ремень, и теперь при каждом вдохе обух немилосердно давил на ребра.

«И какой черт меня за язык тянул, – успев немного протрезветь, думал Глеб, сворачивая за угол. – Теперь придется перетянуться через половину городка на это чертово кладбище. Зато,

когда завтра, а точнее, уже сегодня утром Гаврилкин увидит на могиле Вурдалака вбитый кол, убедится, что я не трус! Нет, не зря я согласился на эту авантюру. Я ему, гаду, докажу!»

Выйдя на площадь, он остановился и достал папиросу.

– Действительно дерьмо! – Глеб выдохнул густую струю дыма со странным запахом сосновой хвои. – Трава, она и есть трава. Как только узбеки такую дрянь курят?

Он глубоко затянулся. Перед глазами все поплыло, и, чтобы не упасть, он ухватился рукой за забор. Головокружение стало проходить, и Глеб направился в сторону костела, темной громадой возвышающегося в противоположном конце площади.

– Эй, служивый! Выпить не желаешь? – Хриплый голос заставил его повернуть голову. На невысоком помосте в центре площади сидели четыре человека, один из которых держал в руках бутылку.

– Вы что тут делаете? – сурово спросил Глеб, подойдя поближе.

– Сам видишь, пьем, – улыбнулся щербатым ртом один из них, у которого вместо ног болтались короткие обрубки с торчащими из-под струпов обломками костей. – И тебя можем угостить.

– Так, мужики! Валите по домам, покуда вас патруль не задержал!

– А у нас дома нет, служивый, – оскалился его сосед в глубоко натянутой вязаной шапочке с помпоном, под которой угадывались очертания странно деформированного черепа.

– Мы бродяги. Здесь переночуем, а поутру дальше тронемся, к своему последнему пристанищу, – добавил парень в телогрейке с торчащими отовсюду клочьями ваты, будто ее долго и старательно рвали собаки. – Выпей с нами, чего стесняешься? – Он протянул Глебу наполовину пустую бутылку, неловко зажав ее двумя сохранившимися на кисти пальцами.

– Да пошли вы... – Едва сдержав готовое сорваться с губ ругательство, Глеб повернулся и, пошатываясь, направился к костелу.

«Куда Гаврилкин смотрит? – раздраженно думал он, с трудом подавляя подступившую к горлу тошноту. – Ведь комендантский час никто не отменял, а тут в самом центре, на виду у всех пьянствуют какие-то уроды. И ни одного патруля поблизости нет».

– Стой! Руки вверх! – От резкого окрика Глеб вздрогнул и выронил кол.

От стены костела отделились три темные фигуры. В глаза ударил луч мощного фонаря.

– Это вы, товарищ политрук? Что с вами? Вам плохо? Это я, сержант Лисичкин. Узнали? – Сержант направил фонарь себе на лицо. – Может, проводить вас домой?

– Сам как-нибудь доберусь. А ты, сержант, лучше займись своим делом. Вон на площади какие-то забулдыги пьянствуют, а вы тут прохлаждаетесь.

– На площади? – удивился сержант, коротко кивнув стоящим за спиной Глеба солдатам, бросившимся выполнять приказание. – Да ведь мы проходили там только что. И не заметили ничего подозрительного.

– Ты что, Лисичкин, принимаешь меня за сумасшедшего?

– Никак нет, товарищ лейтенант, – вытянувшись по стойке смирно, отчеканил сержант. – Сейчас мои парни задержат этих алкашей. Пойдемте, посмотрим, кого там черти принесли.

Повернув за угол, они лицом к лицу столкнулись с возвращающимися солдатами.

– Товарищ лейтенант! – вскинул руку к ушанке тот, что был повыше ростом. – По вашему приказанию...

– Короче, рядовой! – недовольно поморщился Глеб.

– Мы осмотрели площадь, – несколько смутившись, произнес парень, – и не обнаружили ничего подозрительного. Только трупы бандеровцев, которые вчера для опознания выложили. А больше никого. И следов никаких, кроме ваших, там нет.

С некоторым удивлением Глеб огляделся. С неба, затянутого низкими светло-серыми тучами, срывались редкие снежинки, успевшие тонким слоем покрыть мерзлую землю, на которой темнели следы сапог.

«Может, действительно померещилось?» – подумал он, поднимая кол.

– Товарищ политрук, – неуверенно произнес сержант, – разрешите, мы вас проводим до дома? Время позднее, а в окрестных лесах полно бандитов.

«И этот меня тоже трусом считает, – с огорчением понял Глеб и, попытавшись придать голосу уверенность, отрубил: – Выполняйте свою задачу! Я советский офицер, и мне не пристало ходить по своей земле с охраной!»

Резко повернувшись через левое плечо, он решительно шагнул вперед, чувствуя спиной удивленные взгляды красноармейцев.

* * *

«Ну вот, почти добрался. – Политрук остановился посреди гравийной дороги, пересекающей заметенное снегом поле, в конце которого темнела дубовая роща. – До кладбища отсюда не более километра. – Он полной грудью вдохнул свежий морозный воздух, чувствуя себя почти трезвым. – Сейчас перекурю, сделаю свое дело – и быстренько домой. Может, еще удастся покемарить часок-другой».

Зажав кол под мышкой, Глеб достал из кармана папиросу. Сделав несколько глубоких затяжек, он чертыхнулся, возмущаясь дерьмовым качеством табака, и с удивлением огляделся вокруг. Ему неожиданно показалось, что стало светлее. Все окружающее выглядело теперь четче и контрастнее, как будто исчезла пелена перед глазами. Он тряхнул головой и бодрым шагом двинулся вперед.

«Это еще что такое? – удивился Глеб, неожиданно заметив уныло бредущую навстречу фигуру. – Похоже, кто-то из наших. И к тому же изрядно навеселе. Наверное, возвращается от бабы после весело проведенной ночи. Однако в той стороне нет никаких населенных пунктов. Только кладбище».

Внезапно Глеб почувствовал холод под ложечкой.

– Чушь какая! – усмехнулся он, пытаясь побороть страх. – Покойники по дорогам ночами не разгуливают!

Собрав в кулак всю свою волю, он сделал шаг вперед, оказавшись лицом к лицу с солдатом, одетым в старенькую полевую форму.

– Стой! Ты что, так наклюкался, что ничего не видишь дальше своего носа? Или забыл, как нужно отвечать, когда к тебе обращается старший по званию?!

– А... это вы, товарищ политрук, – тихо произнес солдат, и в его лишенном интонаций голосе Глеб не уловил ни удивления, ни испуга.

– Какого лешего ты тут шляешься?

– Да вот, ходил на кладбище, посмотреть на свою могилку.

– Ты что мне голову морочишь! Как фамилия?

– Котов. Рядовой Котов из третьего взвода.

– Ты что, издеваешься?! Котов вчера погиб!

– Ну да, конечно, погиб. А если бы я был живым, зачем мне могилка?

– Да ты пьян в дымину! – Глеб едва не задохнулся от возмущения. – Иди в казарму, проспись, а утром ты у меня за свои глупые шуточки получишь на всю катушку!

Ничего не ответив, солдат медленно побрел в сторону города.

Выбросив окурок, Глеб оглянулся. Дорога была пуста.

– Господи! – прошептал политрук, холодея от ужаса. – Я схожу с ума. Или уже сошел. Сначала принял мертвых бандеровцев за пьяных, теперь вот померещился Котов. А поме-

решился ли? Ведь вот он только что тут стоял, рядышком. Неужели привиделось? А может, и правда вернуться, пока не поздно?

Схватив кол, как копье, он быстрым шагом пошел назад.

«Что я делаю? Ведь мне нужно на кладбище, – с удивлением подумал политрук, внезапно остановившись возле крайних домов. – Ах ну да, я хотел догнать этого солдата. Зачем? А может, это был и не солдат? Тогда кто – покойник, что ли? Куда же он запропастился? Ведь едва волочил ноги».

Глеб прислушался. Вокруг стояла мертвая тишина, которую время от времени нарушал доносящийся издалека тоскливый собачий вой.

«Наверное, действительно мне все это почудилось с пьяных глаз», – подумал он, решительно направляясь к конечной цели своего маршрута.

* * *

– Куда торопишься? – остановил Глеба знакомый голос, донесшийся от распахнутых ржавых ворот. – Присядь, расскажи, что там у вас новенького? А то мне тут одному так скучно.

От неожиданности Глеб вздрогнул и замер.

– А, это ты, Андрей? – спросил он внезапно охрипшим голосом, разглядев на скамейке возле сложенной из позеленевших от времени камней кладбищенской ограды сгорбленную фигуру.

– Я. Кому же еще? Да ты меня, Глеб, не бойся, я не кусаюсь. Присядь на минутку, отдохни. – Воронов смел снег с лавочки. – Тебе спешить не стоит.

– Это тебе уже торопиться некуда! – окрысился Глеб. – А я собираюсь домой вернуться пораньше, чтобы успеть поспать.

– Эх, политрук! – тяжело вздохнул его собеседник. – А ты совсем не изменился со времени нашей последней встречи. Такой же самоуверенный. И даже не пытаешься проанализировать происходящее.

– А что происходит? – Глеб с некоторым интересом взглянул на бывшего сослуживца.

– Скажи, а почему ты считаешь, что вернешься?

– А как же иначе? Что со мною может случиться? Мертвяки съедят, что ли? – улыбнулся Глеб, чувствуя, что начинает успокаиваться. – Или Вурдалак кровь высосет? Так у меня для него припасен осиновый кол, а если даже он не поможет, есть еще топор и табельное оружие. Полагаю, справлюсь как-нибудь. Почему это ты думаешь, что я тут останусь навсегда?

– Я не думаю, я знаю, – грустно улыбнулся Андрей. – А кол твой, кстати, не осиновый, а дубовый. Впрочем, это не имеет никакого значения. Этого выродка Вурдалаком народ прозвал не за то, что он пил человеческую кровь, а за его изощренную жестокость. Нет, политрук, тебя ни он, ни другие покойники не тронут. Они зла причинить уже никому не могут.

Ты сам себя погубишь. Умрешь от страха. Ведь ты, Глеб, в душе трус и боишься в этом признаться даже самому себе. А трусам на кладбище по ночам ходить не рекомендуется. К тому же ты в Бога не веришь, следовательно, тебе вроде и не пристало к нему за помощью обращаться. А тебе здесь никто не поможет, кроме него.

– Злорадуешь? Собираешься отомстить за тот случай? Так вот знай, ничего со мной не произойдет! Назло тебе вернусь целым и невредимым, именно потому, что не верю ни в Бога, ни во всякую нечисть вроде тебя! – Политрук закурил, без особого удивления взглянул на пустую, заметенную снегом скамейку и уверенно направился к воротам.

* * *

«Где мне теперь искать эту чертову могилу? – с раздражением думал Глеб, шагая по центральной аллее. – Старшина говорил, что в конце нужно повернуть направо и пройти по дорожке метров тридцать. Слева будет могильный холмик без креста».

Он шел, стараясь не обращать внимания на встающие поодаль закутанные в саван фигуры, доносившиеся со всех сторон поскрипывания, шорохи, вздохи и стоны, на сиреневый флюоресцирующий туман, сгущающийся вокруг темного здания часовни.

«Все это мне кажется. Только кажется. Ничего этого на самом деле нет и быть не может», – убеждал он себя, чувствуя, как начинает чаще колотиться сердце и на лбу выступает холодный пот.

– Здравствуйте, пан офицер!

Удивленно подняв голову, Глеб взглянул на молодую женщину с заметно округлившимся животом.

– Хотите, я вас провожу? Я знаю это кладбище, как свои пять пальцев.

– Пойдем, Мария! – Вышедший из-за дерева мужчина взял женщину под руку. – Пан офицер и сам отыщет дорогу. Тут заблудиться невозможно.

Глеб поймал себя на мысли, что хочет перекреститься. С трудом поборов это внезапно возникшее желание, он тряхнул головой. Аллея была пуста.

– Чертовщина какая-то: призраки, голоса, видения! Кому об этом расскажу – не поверят. Неужели я напился до такой степени, что всякая хренотень мерещится? – тихо бормотал Глеб, крепко сжимая в потной ладони кол. – Фу, кажется, уже близко! Вон и конец аллеи, а там, как говорил старшина, повернуть направо. Теперь надо смотреть внимательно, чтобы не пропустить нужную могилу.

Внезапно Глеб почувствовал, что за ним наблюдают. Он огляделся и неожиданно метрах в десяти, возле стены, увидел средних лет мужчину, одетого в ненавистный мундир мышинового цвета с повязкой полиция на рукаве. Незнакомец злорадно ухмыльнулся, оскалив длинные клыки, с которых срывались крупные капли крови. Его взгляд излучал ненависть. Дикую, холодную ненависть, тяжелыми волнами растекающуюся в морозном воздухе. Глеб выронил кол и трясущейся рукой потянулся к кобуре. Видение исчезло.

«Господи! Да что же это такое? – Политрук тяжело дышал, чувствуя, как бешено колотится сердце. – Может, действительно уйти от греха подальше? Нет, уже, наверное, поздно. Ведь этот мерзавец скрывается где-то рядом. И если я к нему повернусь спиной – набросится сзади. Теперь у меня один путь – вперед. А чего это я, собственно говоря, испугался? Ведь он безоружен. А у меня и кол, и топор, и пистолет. Целый арсенал. Да неужели я не разделяюсь с этой сволочью?»

Почувствовав, как уходит страх, Глеб наклонился и поднял кол, а затем, подумав, достал из-за пояса топор.

– Ну где ты там прячешься, дерьмо собачье! – крикнул он. – Выходи, поговорим! Что, испугался? Притаился в своей могиле и дрожишь там, под землей, как заячий хвост? И правильно делаешь! Сейчас тебе наступит конец!

С колом наперевес политрук ринулся вперед.

– Спасите меня, товарищ лейтенант! – Тихий женский шепот раздался, как ему показалось, прямо под ногами. – О, как мне страшно и больно! Очень больно! Спасите меня, пожалуйста!

Глеб остановился и посмотрел вниз. Голос доносился из могилы, на которую он едва не наступил. Он присел на корточки и чиркнул спичкой, вчитываясь в расплывчатый текст таблички, прибитой к маленькому кресту.

«Федорчук Оксана. 1922–1943», – с трудом разобрал он полустертую корявую надпись, сделанную химическим карандашом.

Внезапно все вокруг заволочла серая пелена, и Глеб оказался в подвале, тяжелый, затхлый воздух которого, казалось, был пропитан ужасом и болью. Тусклый свет запыленной лампочки, на длинном шнуре свисающей с потолка, отбрасывал на стены с местами облупившейся штукатуркой причудливые тени, напоминающие кровожадных монстров.

Камера пыток, внезапно понял он, содрогаясь от омерзения.

В углу мрачного помещения, развалившись в кресле, сидел гестаповец, пожирающий похотливым взглядом обнаженное тело девушки, подвешенной за руки к вмурованному в потолок кольцу. Вереочная петля глубоко впиалась в запястья, и кисти рук со слегка согнутыми пальцами посинели.

Фашист встал и подошел к столу, на одной половине которого были аккуратно разложены зловеще поблескивающие хирургические инструменты, а на другом стояла бутылка коньяка и пузатый бокал на длинной ножке. Наполнив бокал до краев, он сделал несколько маленьких глотков, затем закурил, с явным интересом рассматривая пленницу. Его взгляд на мгновение задержался на небольшой груди, ребрах, выступающих из-под тонкой кожи, втянутом животе, темном треугольнике волос, длинных стройных ногах, изящных стопах, всего несколько сантиметров не достающих до пола.

Подойдя вплотную, он глубоко затянулся и выдохнул густую струю дыма в лицо своей жертве. Девушка встрепенулась и открыла глаза, с ненавистью взглянув на своего мучителя.

– Все готово, герр офицер.

Мужчина в форме полицая поднялся с корточек, держа в руках гудящую паяльную лампу.

– Можно начинать.

Гестаповец вернулся на свое место и уселся, поставив бокал на подлокотник, как зритель театра в предвкушении захватывающего зрелища.

– Скажи, для какой цели предназначалась взрывчатка, найденная у тебя в сарае?

Девушка молчала, широко раскрытыми от ужаса глазами взирая на стоящего возле стола полицая.

– Приступай! – махнул рукой офицер, не в силах оторвать взгляда от беспомощной пленницы, которая, покрываясь потом, забилась, словно пойманная на крючок рыба.

На лице Вурдалака появилась зловещая ухмылка. Он не спешил, с наслаждением наблюдая, как извивается его жертва, пытаясь хотя бы на несколько мгновений отсрочить начало пытки. Наконец она затихла, и обмякшее тело вытянулось.

Палач сделал шаг вперед и поднял паяльную лампу. Короткий конус голубого гудящего пламени коснулся тугой груди. Девушка вздрогнула, по перепонкам ударил дикий, нечеловеческий крик.

Ухмыльнувшись, Вурдалак медленно, с наслаждением взирая на мучения своей жертвы, опустил лампу несколько ниже, и яростное пламя лизнуло нежную кожу грудной клетки, которая прямо на глазах чернела и лопалась, обнажая ребра. Крик оборвался. Голова упала на грудь, и загорелись длинные волосы, которых коснулся огонь. По комнате поплыл удушливый запах горелого мяса. Содрогаясь от рвотных позывов, немец вскочил, выронив бокал, зажал обеими руками рот и бросился к двери.

– Что, не нравится, герр офицер? – прошептал ему вслед полицай, ставя паяльную лампу на стол. – Чистоплюй хренов! Привык командовать, а я должен выполнять всю грязную работу. – Схватив со стола бутылку, он сделал несколько жадных глотков и взял длинный, острый как бритва ампутационный нож. – Сейчас ты мне все расскажешь! Соловьем запоешь! – Узкое блестящее лезвие легко вошло между ребер. – Молчишь, сука?!

Точно выверенным молниеносным движением он вспорол крест-накрест переднюю брюшную стенку, с наслаждением наблюдая, как выползают из зияющей раны розовые петли кишечника.

– И не таким языки развязывали! – Он кромсал покачивающееся на веревке тело, на глазах превращающееся в бесформенный кусок мяса, все больше возбуждаясь от этого зрелища и не замечая тонких струек крови, брызжущих в лицо из пересеченных артерий – Что, так и не хочешь со мной побеседовать?

Запустив окровавленную лапу в остатки волос, Вурдалак запрокинул голову девушки назад, внимательно вглядываясь в искаженное гримасой боли и ужаса лицо с неестественно широкими зрачками. Затем, взяв со стола небольшой топорик, которым хозяйки разделяют мясо, обезглавил мертвое тело.

* * *

– Садист! Изверг! Нелюдь! – вскричал Глеб, полностью утратив чувство реальности. – Сейчас ты у меня получишь, сволочь!

– Спаси нас, солдат! – тихо шептали столпившиеся у него за спиной призрачные белые фигуры.

«И у кого хватило ума похоронить палача в окружении его жертв?» – думал политрук, останавливаясь возле едва приметного холмика, припорошенного снегом.

Склонившись над могилой, придерживая кол левой рукой, он принялся бить по нему обухом топора, с удовлетворением отмечая, как после каждого удара кол на несколько сантиметров уходит в замерзший грунт.

– Ну вот и все! – Политрук вытер пот со лба и распрямился, любуясь проделанной работой.

Над кладбищем повисла тишина. Гнетущая, зловещая тишина, не предвещающая ничего хорошего.

– Чего замолчали? – Пытаясь побороть холодающее чувство ужаса, Глеб шагнул назад, оборачиваясь к безмолвно застывшим за спиной призракам.

Тотчас холмик бесшумно взорвался, разбросав в стороны мерзлые комья, и из разверзшейся под ногами черной дыры появился Вурдалак, костлявой рукой схватив Глеба за полу шинели.

– Теперь не уйдешь! Я утащу тебя с собой! – хрипел полицай с выпученными глазами, вывалившимся языком и пересекающей шею странгуляционной бороздой, второй рукой пытаясь дотянуться до горла Глеба.

Вздрогнув от страха, политрук взмахнул топором. Не встретив сопротивления, топор со свистом рассек стылый воздух и, выскользнув из потных ладоней, отлетел далеко в сторону, тихо звякнув о мерзлую землю.

– Что, не получилось? – злорадно шептал Вурдалак, смыкая пальцы с длинными загнутыми ногтями на шее своего врага.

Дрожащей рукой Глеб потянулся к кобуре, но в этот момент дыхание перехватило, и он, судорожно ловя широко раскрытым ртом воздух, лицом вниз повалился на восставшего из могилы мертвеца.

* * *

Не успело смолкнуть испуганно заматававшееся среди деревьев эхо нестройного залпа, спугнувшего стаю ворон, как над кладбищем поплыла торжественная мелодия государственного гимна.

Опустив гроб в могилу, солдаты взялись за лопаты. Гаврилкин, первым бросивший в яму комок мерзлой земли, отошел в сторону и, натянув на голову шапку-ушанку, закурил, мрачно осматриваясь вокруг.

– Что, командир, политрука ищешь? – спросил старшина, останавливаясь рядом. – Его здесь нет. И никто его с утра не видел. Как бы с ним не произошло чего.

– А что с ним может произойти? Выпил вчера лишнего и спит теперь сном праведника.

– Дай Бог, чтобы все именно так и было. Вот только мне почему-то в это не верится, – тяжело вздохнул старшина.

– А ты знаешь, командир, что мне сегодня утром доложил Лисичкин? Они повстречали политрука ночью возле костела. И, как сержанту показалось, у того что-то случилось с головой. Начал буровить, что мертвые бандеровцы на площади распивают водку, а потом схватил кол и направился в сторону кладбища.

– И что из того? Ты серьезно, Поликарпыч, думаешь, что он дошел? Трус ведь политрук наш, и я уверен, что он вернулся с полпути.

– А если не вернулся? Ты, Сергей, как хочешь, а я схожу, проверю. Тут недалеко.

Старшина решительно направился в сторону центральной аллеи.

– погоди, я с тобой, – выбросив окурок, Гаврилкин пошел следом. – Ведь это я его подбил на эту авантюру.

– Да-а... Ну и дела... – растерянно протянул он, разглядывая лежащий навзничь рядом с глубоко вбитым в землю колом слегка припорошенный снегом труп. – Ты, Поликарпыч, вот чего... Быстренько дуй назад и пришли солдат, пока они не успели уехать. И пусть захватят плащ-палатку.

– Выходит, он, политрук наш, к этому делу отнесся на полном серьезе. Шутки не понял, – вслух рассуждал Гаврилкин, снимая головной убор.

– А я-то, козел, ему еще подсеял эти дурацкие папироски с маковой соломкой. После этого, видать, у него ум за разум и зашел окончательно. Кстати, а где они?

Засунув руку в карман шинели покойника, он достал измятую, наполовину пустую пачку и, скомкав, закинул ее далеко за ограду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.